

О ПЕДАГОГИКЕ

Пер. с нем. Б.М. Бим-Бада

Воспитание необходимо только для человека. В понятие "воспитания" мы включаем "уход" (присмотр, попечение), "дисциплинирование" (становление поведения) и "обучение" наряду с "формированием нравственного облика". "Уход" необходим младенцу, "дисциплинирование" — дошкольнику, "обучение" и "формирование нравственного облика" — детям школьного возраста.

Постепенно проявляющиеся жизненные силы животных сразу же используются ими по назначению и притом без какого-либо для себя вреда. В самом деле удивительно, что птенцы ласточек, например, едва вылупившись из яиц, еще слепые, умеют делать так, чтобы их помет падал из гнезда, не загрязняя его. Животные, стало быть, не нуждаются в ином уходе, кроме как в питании, согревании и "охране" или некоторой защите. Вскармливание необходимо большинству животных, но не "уход", ибо под последним разумеется забота родителей о том, чтобы, пользуясь своими жизненными силами, дети не приносили себе вреда. Если бы, например, при своем появлении на свет животное закричало бы подобно новорожденному ребенку, то оно неминуемо стало бы добычей волков или других хищников, привлеченных этим его криком.

"Дисциплинирование", формирование способности к самопринуждению возвышает человека над уровнем животных. Животное становится тем, что оно есть, благодаря своему инстинкту, этому как бы "принудительному разуму", и тем самым оно избавлено от заботы о своем становлении. Человеку, напротив, необходимо самому формировать свой разум; у него нет инстинкта, и он вынужден сам вырабатывать свое поведение. Но так как он не способен делать это прямо с момента рождения, ему, беспомощному, вынуждены помогать взрослые.

Человечество принуждено само, собственными усилиями вырабатывать те свойства, что составляют "человеческую природу". Каждое поколение воспитывает последующее. А истоком этого процесса можно считать либо первобытное состояние, либо же полностью развитое состояние человечества. Если принять за исходное состояние — последнее, то придется согласиться, что впоследствии человек одичал и дегенерировал до варварства.

Самодисциплина не дает животным побуждениям человека увести его в сторону от его человеческого назначения; она, например, удерживает его от того, чтобы он не бросался необдуманно, под влиянием страсти в опасности. Дисциплинирование, следовательно, несет чисто негативную функцию: оно — средство, противостоящее "дикости" в человеке. Позитивную функцию в воспитании выполняет обучение вкупе с формированием нравственного облика.

Неспособность следовать законам и есть "дикость". Благодаря самодисциплине люди подчиняются законам человечности и осознают их необходимую ограничивающую силу. И это должно произойти как можно раньше. Так, например, детей посылают в школу поначалу не столько с целью, чтобы они там чему-нибудь научились, сколько для того, чтобы они постепенно привыкли спокойно сидеть и делать то, что необходимо; чтобы впоследствии не сложилась привычка поддаваться любому капризу.

Но необузданность, которая свойственна человеку, столь велика, что, он как только привыкнет к ней, всем ей пожертвует. Именно поэтому необходимо, как уже говорилось, приучать к самоограничению как можно раньше; потом трудно переделать человека: он становится рабом своих прихотей. Это наблюдение подтверждают завезенные в Европу взрослые дикари: даже если они в продолжение довольно долгого времени выполняют ту же, что и европейцы, работу, они все-таки не могут привыкнуть к образу жизни последних. В этом проявляется не благородная любовь к свободе, как полагают Руссо и другие, но известная нецивилизованность, неразвитость, так сказать, собственно человеческих начал. Словом, необходимо как можно ранее приучить ребенка подчиняться предписаниям разума. Если с малолетства все его желания ни в чем не встречали противодействия, человек навсегда останется в той или иной степени дикарем. Плохо

приходится тому, кто в детстве был избалован, ибо чем более он был изнежен избытком материнской ласки, тем больше впоследствии будет сталкиваться с противодействием и испытывать неудачи, лишь только шагнет в мир из ворот родительского дома. Подобная ошибка неизменно повторяется при воспитании сильных мира сего, поскольку им как будущим властелинам и в детстве не оказывают никакого противодействия.

Необходимость обтесать человеческое поведение проистекает из прирожденной ему необузданности, которой нет у животных, — их поведение определяется инстинктами.

Человек нуждается в уходе и воспитании. Воспитание включает в себя формирование поведения и обучение. В этом, насколько мы знаем, не нуждается ни одно из животных, ибо они ничему не учатся у старших, исключая певчих птиц, которые обучаются пению. Трогательно наблюдать, как, мамаша-птица изо всех сил распевает перед своими птенчиками, а те точно в школе, стараются извлечь такие же звуки из своих горлышек. Чтобы убедиться в том, что своеобразие птичьего пения определяется не инстинктом, что птицы действительно учатся этому, стоит произвести эксперимент: взять, положим, из-под канареек, половину их яиц и подменить их воробьиными, или даже посадить в гнездо на их место птенчиков-молоденьких воробушков. Если при этом поместить их в такой комнате, откуда они не смогут слышать воробьев с улицы, то они научатся пению канареек, и мы получим поющих воробьев. В самом деле, чрезвычайно удивительно, что всякая порода птиц через все поколения пронесит один и тот же основной напев; традиции птичьей песни, по всей вероятности, самая прочная в мире.

Человек может стать человеком только благодаря воспитанию. Он — не более того, что делает из него воспитание. Разумеется, человека могут воспитать только люди, но люди, равным образом получившие воспитание. Поэтому недостаточно воспитанные и образованные люди в свою очередь плохо воспитывают своих питомцев. Если бы когда-нибудь за наше воспитание взялось существо высшего порядка, тогда действительно мы бы увидели, каким может стать человек. Но так как воспитание способно не всему научить человека и все развить в нем, то и нельзя знать, насколько велики его потенциальные возможности. Если бы был проведен, по крайней мере, такой эксперимент при содействии высокопоставленных лиц и при соединенных усилиях многих людей, это дало бы нам некоторые сведения относительно того, до каких высот в состоянии дойти человек. Но — замечание настолько же важное для философа, насколько печальное для того, кто любит своих братьев, — мы убеждаемся в том, что сильные мира сего заботятся только о себе и не принимают участия в важных экспериментах по воспитанию, которые могли бы приблизить человеческую природу к совершенству хотя бы на один шаг.

Нет никого, кто, будучи в детстве оставлен без призора, в более зрелом возрасте сам не заметил бы недостатков либо в своем характере, либо в своей "культуре" (ибо так можно назвать результаты обучения. Тот, кто не получил морального воспитания — груб; кто не получил привычки к самоограничению — дик. Плохая самодисциплина — большее зло, чем низкая культура, ибо упущения в последней впоследствии еще можно наверстать; невоздержанность же нельзя искоренить и недостаток в самодисциплине возместить невозможно.

Быть может, по мере постепенного улучшения воспитания каждое новое поколение будет делать шаг вперед по пути к совершенству человечества, ибо в воспитании заключена великая тайна усовершенствования человеческой природы. Только в настоящее время появилась возможность что-либо предпринять в этом отношении, поскольку лишь теперь люди начинают составлять правильное и ясное представление о том, в чем, собственно, заключается хорошее воспитание. Осознание того, что, благодаря воспитанию, человеческая природа будет прогрессировать и что ей можно придать такую форму, которая соответствовала бы идеалу, воодушевляет и открывает перед нами перспективу более счастливого будущего человечества.

Создание теории воспитания — прекрасный идеал, и не беда, если мы не в состоянии осуществить его немедленно. Мы не должны считать эту идею несбыточной и порочить ее

как прекрасное мечтанье только потому, что при ее осуществлении возникают трудности и препятствия.

Идея — не что иное, как понятие о совершенстве, еще не реализованном на практике; например, идея совершенной республики, основанной на принципах справедливости. Разве эта идея неосуществима из-за того только, что не была еще осуществлена? Наша идея должна соответствовать истине и тогда она вполне реальна, несмотря на все препятствия, которые стоят на пути к ее воплощению в жизнь. Предположим, ложь была бы всеобщей, разве вследствие этого правдивое слово стало бы только пустой фантазией? И идея воспитания, которое развивает все природные задатки человека, несомненно соответствует истине.

При современном воспитании человек не вполне достигает цели своего бытия, ибо люди живут в совершенно неравных условиях. Подлинное равенство может быть установлено только тогда, когда одни и те же принципы будут лежать в основе поведения всех людей и эти принципы войдут в их плоть и кровь как "вторая натура". Что пока что в наших силах, так это разработка плана целенаправленного воспитания, который мы могли бы передать потомкам вместе с указаниями о том, как этот план осуществлять на практике, с тем, чтобы они могли постепенно его реализовать.

Мы видим на примере толокнянки, что это растение, выращенное из одного корня, дает цветы одинаковой окраски; если же выращивать толокнянку из семян, то получатся цветы другой и притом различной окраски. Следовательно, природа заложила в растение разнообразные зародыши, и развитие тех или иных зародышей — дело правильного посева и взращивания. Это весьма похоже на воспитание людей.

В человеке заключено много разнородных задатков, и это мы должны обеспечить их рост, гармонически развивая природные возможности человека с тем, чтобы он достигал своего назначения. У животных последнее получается само собой, бессознательно. Человек вынужден приложить усилия, чтобы достичь своего назначения, но это возможно только при условии, что он обладает ясным пониманием цели и сущности его.

Для отдельной личности достижение конечного назначения человека совершенно невозможно.

Давайте предположим, что первая пара людей на Земле не была дикарями, а действительно продвинутыми, развитыми людьми, и посмотрим: как она могла воспитывать своих детей?

Последние подражали бы примерам, которые подавали им первые — родители. Какие именно примеры увидят дети, зависит от случайных обстоятельств. Поэтому у детей развились бы лишь некоторые из их природных способностей — все способности невозможно сформировать сразу.

В прошлом люди не имели представления о том совершенстве, которого может достигнуть человеческая природа, даже и сейчас не вполне ясна эта идея. Понятно только то, что ни одна отдельная личность не может обеспечить своим питомцам достижения их назначения, какую бы высокую степень культуры ни приобрели бы последние. Чтобы преуспеть в достижении назначения человека, понадобится работа не нескольких людей, а всего человеческого рода.

Воспитание есть искусство, которое должно совершенствоваться через опыт многих поколений. Каждое поколение, овладевая знаниями предшественного, способно осуществлять такое воспитание, которое во все большей степени гармонично и целенаправленно развивает природные способности человека и тем самым продвигает весь род человеческий к его назначению. Проведению было угодно, чтобы человек сам взращивал в себе добро, и оно как бы говорило человеку: "Ступай в мир. Ты получил от меня все необходимое для добра. Развить добро уже твое дело, стало быть, твое счастье и несчастье зависят от тебя самого".

Прежде всего человек должен развивать свои зачатки доброго: они не даны ему в готовом виде, а лишь как тенденции, задатки, нейтральные в нравственном отношении. Человек обязан совершенствовать себя, формировать свой духовный облик и подчинять

себя нравственному закону. По зрелому размышлению можно убедиться, что это весьма трудно. Поэтому величайшая и самая сложная задача, решение которой стоит перед человечеством, — задача воспитания. Становление сознания зависит от воспитания, а воспитание в свою очередь зависит от развитого сознания. Из этого следует, что воспитание может подвигаться вперед лишь постепенно, правильное понимание воспитательного метода может возникнуть только благодаря тому, что каждое поколение передает свой опыт и знания (о способах воспитания) последующим, и каждое новое прибавляет что-нибудь в свою очередь, прежде чем передать эстафету. Какую высокую культуру и какой обширный опыт включает в себя понятие правильного воспитания! Вот почему оно не могло возникнуть на ранних этапах развития человечества, и мы сами еще не вполне себе его уяснили. Возникает вопрос, не должны ли мы в воспитании отдельных людей воспроизводить последовательность тех этапов, которое прошло человечество в целом?

Две области человеческого творчества приходится считать самыми трудными, а именно: искусство управлять и искусство воспитывать — еще и поныне люди не пришли к соглашению относительно того, как правильно делать то и другое.

Но с какого же этапа развития человечества в целом следует начинать развитие индивидуальных человеческих способностей? Должны ли мы начинать с этапа первобытного или уже образованного общества? Помыслить себе развитие из первобытного состояния трудно (поэтому-то нелегко и составить представление о первобытных людях), и мы видим, что при развитии, берущем начало в диком состоянии, люди неизменно вновь впадали в дикость, а лишь затем опять возвышались над ней. В древнейших сохранившихся до нас памятниках письменности даже весьма просвещенных народов, мы обнаруживаем пережитки варварства, а между тем сколь высокую культуру предполагает одно только наличие письменности! Настолько высокую, что по отношению к просвещенным народам начало письменности можно назвать началом мира, резкой границей с первобытным состоянием.

Поскольку развитие способностей человека не происходит само собой, то всякое воспитание есть искусство. Для этого природа не вложила в человека никакого инстинкта. Воспитание — и филогенетически и онтогенетически — бывает либо механическим, без плана, обусловленным обстоятельствами, либо р а ц и о н а л ь н ы м. Воспитание называется механическим, если мы узнаем из опыта, случайно, вредно или полезно что-либо для человека. Всякое механическое воспитание по необходимости несет с собой очень много ошибок и недостатков, поскольку оно не основывается на надежных, определенных принципах. Если воспитание призвано развивать человеческие задатки так, чтобы человек достиг цели своего бытия, то искусство воспитания (педагогика) должно быть рациональным. Уже воспитанные родители предоставляют детям примеры, по образцу которых последние строят свое поведение. Но если дети должны стать лучше родителей, то последним необходимо изучать педагогику. Иного назначения педагогика не имеет, как только помочь плохо воспитанному человеку не воспроизводить в своем воспитаннике собственных недостатков. Механическое воспитание должно уступить место науке; в противном случае воспитание никогда не станет последовательным и целенаправленным, а каждое новое поколение сможет только разрушать то, что создали предыдущие.

Основной принцип, из которого должны исходить те, кто составляют планы воспитания, такой: дети воспитываются сообразно не с настоящим, а с возможно более совершенным будущим состоянием рода человеческого, т.е. в соответствии с идеей человечества и его назначения как целого. Значение этого принципа чрезвычайно велико. Родители обычно воспитывают своих детей таким образом, чтобы они могли приспособиться к современным им жизненным условиям, какими бы плохими они ни были. А им следовало бы давать детям воспитание лучшее, чем современное, чтобы стал возможным и лучший мир. Два препятствия, однако, появляются здесь: 1) родители

заботятся только о том, чтобы их дети преуспели в жизни и 2) правители рассматривают своих подданных лишь как инструмент для достижения своих целей.

Родители пекутся о семье, правители — о государстве. Ни те, ни другие не ставят своей конечной целью всеобщее благо и то совершенство, которое является назначением человечества и для достижения которого оно имеет необходимые предпосылки. Правильный план воспитания можно разработать только с общечеловеческих позиций, — разве идея всеобщего блага противоречит нашим личным интересам? Ни в малейшей степени, хотя, казалось бы, ради нее приходится приносить и жертвы. Именно благодаря этой идее мы содействуем собственному благу в нашей сегодняшней жизни. А как значительны и важны вытекающие из этой цели следствия! Все доброе, что есть на свете, берет свое начало в хорошем воспитании. Необходимо, однако, чтобы ростки добра в человеке все более и более развивались, ибо в естественных склонностях человека мы не обнаруживаем злых начал. Только неуправляемое, неподчиненное никаким принципам поведение порождает зло. Рождается же человек с задатками добра.

Но кто должен начать изменение мира к лучшему: правители или подданные? Должны ли и те и другие пойти навстречу друг другу, предварительно самоусовершенствовавшись? Если говорить о правителях, то сначала необходимо улучшить их собственное воспитание, ибо оно с давних пор страдает от чрезвычайно серьезной ошибки; ведь им в ранние годы не оказывали никакого противодействия.

Кривым и приземистым растет в поле одинокое дерево, в лесу же, напротив, именно из-за того, что ему мешают соседние деревья, оно, стремясь к воздуху и свету, вырастает высоким и стройным. Так же обстоит дело и с правителями. Было бы намного полезнее, если бы их воспитывал кто-нибудь из числа их подданных, а не равные им. Словом, мы можем ожидать благих начинаний от правителей лишь в том случае, если будет существенно усовершенствовано их воспитание. Стало быть, успех дела зависит от усилий частных лиц, а не от помощи правителей, как полагали Базедов и другие, ибо мы знаем из опыта, что для правителей важно не столько общее благо, сколько престиж государства, нужный им для достижения их личных целей. Если, однако, они предоставляют средства (для осуществления воспитания в общечеловеческом духе), то, конечно, следует предоставить и им право участвовать в разработке плана воспитания. Однако, во всем, что имеет отношение к формированию духовного облика человека и к расширению человеческих знаний, власть и деньги не обеспечивают успеха дела, в лучшем случае лишь облегчают решение задачи. Они могли бы и обеспечить успех делу, если бы только правительство не утруждало себя подсчетом будущих прибылей и пополнений государственной казны от затраченных сумм. Да и университеты доньше еще не преуспевали в этом деле, и вероятность того, что преуспеют в будущем, никогда не была так мала, как теперь.

Из сказанного следует, что и учреждение школ должно зависеть исключительно от мнения наиболее свободомыслящих экспертов. Носителем культуры является отдельная личность, она же и источник дальнейшего распространения культуры. Только благодаря усилиям людей, свободных от всяких предрассудков, желающих всеобщего блага и способных принять идею прогресса человечества, возможно продвижение человечества к совершенству. А правители нередко смотрят на свой народ как на часть животного царства и обеспокоены лишь тем, чтобы народ размножался. Если они и принимают во внимание образовательную деятельность, то исключительно с корыстной целью эффективнее использовать трудовые умения и навыки своих подданных. Разумеется, и частные лица обязаны руководствоваться естественной целью развития у учащихся умений и навыков, но они должны в особенности иметь в виду прогресс человечества и заботиться не только о знаниях, но и о нравственном совершенствовании людей, а также — что самое трудное — стараться поднять новое поколение на более высокий уровень, чем был достигнут ими.

Итак, воспитание должно:

1) д и с ц и п л и н и р о в а т ь человека. "Дисциплинировать" — значит не допустить, чтобы животное начало взяло верх над собственно человеческим началом, не помешало человеку исполнить свой долг перед собой и перед обществом, членом которого он является. Следовательно, дисциплинированность есть только самоограничение, противостоящее неуправляемому, импульсивному поведению.

2) Воспитание должно к у л ь т и в и р о в а т ь человека. "Культивация" включает в себя обучение и становление поведения; она необходима для формирования способностей. Последние суть некие возможности осуществлять деятельность, направленную на достижение какой-либо цели. Поэтому не способности определяют цели деятельности, а диктуемые обстоятельства цели определяют собой способности.

Некоторые способности, например, к чтению и письму, нужны всем без исключения; другие приложимы лишь к ограниченному числу целей, например, музыкальные способности. Поскольку множество целей бесконечно, практически безграничны и способности человека.

3) Воспитание должно сделать человека о с м о т р и т е л ь н ы м, о т в е т с т в е н н ы м, социально ценным, таким, чтобы его можно было любить, чтобы он пользовался авторитетом — все это особый вид культуры поведения, которую мы назовем у т о н ч е н н о с т ь ю. В понятие "утонченности" входит также тактичность, вежливость и способность выбирать правильную линию поведения, которая позволяет людям благодаря взаимопомощи достигать конечные цели. Содержание понятия "утонченности" меняется в зависимости от изменчивых вкусов разных эпох. Так, всего несколько десятилетий назад в обращении ценилась церемонность.

4) Воспитание должно обеспечить н р а в с т в е н н о е развитие личности. Недостаточно, чтобы человек умел осуществлять деятельность, направленную на достижение определенных целей; он должен также выработать в себе способность свободно выбирать исключительно нравственные цели, такие, которые, проистекая из природы и законов мира, не могут не быть общезначимыми, не могут не стать в равной мере целями всех людей без исключения.

* * *

Человека можно или дрессировать, школить, натаскивать или действительно просвещать. Дрессируют собак, лошадей; можно и людей дрессировать. (Слово "дрессировать" происходит от английского "to dress", одевать..).

Но одной дрессировкой мы ничего не достигнем; главное, основное — научить детей д у м а т ь. Научившись думать, они смогут выработать принципы, из которых проистекает все поведение. Мы видим, таким образом, что серьезное, подлинное воспитание требует очень многого. На практике же, как правило, совершенно недостаточно осуществляют четвертую, наиважнейшую, составную часть воспитания, предоставляя церкви нравственное воспитание детей. Между тем, бесконечно важно с ранних лет вызвать у детей отвращение к пороку не на том основании, что порок запрещен Богом, а на том, что порок отвратителен сам по себе. Ведь иначе дети легко приходят к мысли, что, если бы только Бог не запрещал, то, пожалуй, было бы вполне и всегда позволительно поступать плохо и что поэтому Бог, вероятно, может время от времени снимать в порядке исключения свой запрет. Но, будучи святейшим сущим, Бог, желает только благого и требует поэтому, чтобы мы поступали добродетельно, ценя достоинство, присущее самой добродетели, а не оттого, что он этого требует.

Мы живем в век дисциплины, культуры и утонченности, но далеко еще не в век нравственности. При современном устройстве человеческого общества можно сказать, что материальное благополучие государств возрастает одновременно с усугублением нравственной нищеты людей. И еще остается вопрос: не были бы мы счастливее в нецивилизованном обществе, без всей этой современной культуры, нежели в нашем теперешнем положении? Ибо как можно сделать людей счастливыми, не делая их

нравственными и мудрыми? До тех пор, пока мы не поднимем нравственность, по-прежнему будет торжествовать зло.

Прежде всего необходимо создать экспериментальные школы, и только потом появится возможность строить учебно-воспитательные учреждения для подготовки учителей. Воспитание и обучение в таких школах не должны быть чисто механическими, а основываться на теоретических принципах; они не могут также заключаться только в нравоучительных рассуждениях. В определенном смысле воспитание должно быть и гибким, способным перестроиться сообразно с новым опытом. В Австрии большая часть школ готовила сразу и учителей; а организованы они были по единому плану, против которого высказывалось много основательных возражений. Главный упрек — в слепомеханическом обучении. Тем не менее все остальные школы обязаны были строиться по данному образцу, так как люди, которые не окончили таких школ, даже не продвигались по службе. Вот пример заботы правительства о воспитании народа, из которого видно, что принуждение никогда не может привести к чему-то хорошему.

Распространено мнение, что в экспериментах по воспитанию нет необходимости, что достаточно и здравого смысла, чтобы судить, хорошо или дурно то или иное воспитание. Это — великое заблуждение, и опыт показывает, что результаты наших экспериментов часто полностью противоположны ожидаемым. Из этого, в частности, следует, что, так как мы вынуждены опытным путем проверять наше знание, ни одно поколение не может предложить полностью завершенного плана воспитания. Единственной экспериментальной школой, которая сделала первый шаг в этом направлении, был Филантропин в Дессау. За ним остается эта заслуга, несмотря на многочисленные недостатки, которые можно было бы поставить ему в упрек. Однако эти ошибки, неизбежные в любом эксперименте, как раз и обнаруживают необходимость дальнейших экспериментов. Филантропин в Дессау был в своем роде уникальной школой: в ней учителя имели право разрабатывать собственные методы и содержание обучения; учителя сотрудничали друг с другом, а также со всеми учеными в Германии.

* * *

Воспитание — это уход за ребенком, а когда он подрастет — формирование его духовного облика. Последнее предполагает, во-первых, негативное воздействие: формирование способности к внутреннему самопринуждению, уберегающему от проступков. Во-вторых, формирование духовного облика предполагает позитивное воздействие: информирование и педагогическое руководство, обеспечивающее нравственное воспитание. Педагогическое руководство означает консультирование по поводу того, как применять на практике приобретенные ребенком познания. Отсюда различие между просто информатором, каковым является школьный учитель, и воспитателем, который осуществляет педагогическое руководство. Первый обучает только для школы, второй воспитывает для жизни.

В период младенчества ребенку должно показать полезность для него подчинения и пассивного послушания; на следующем же этапе развития ребенку следует позволить думать за себя и пользоваться своей свободой, необходимо ограничиваемой законами (проистекающими из природы вещей). В период младенчества имеет место механическое ограничение, позднее — нравственное самоограничение.

Воспитание бывает частным (семейным) или общественным. Последнее осуществляет только передачу знаний. Эта функция может всегда оставаться общественной. Научить применять полученные знания на практике остается делом воспитания первого типа. Общественное воспитание в собственном смысле слова есть такое, которое соединяет и обучение и нравственное воспитание. Целью совершенного общественного образования должно быть повышение качества семейного воспитания. Школу, которая достигает эту цель, называют образовательно-воспитательным

учреждением. Таких учреждений не может быть много, и число воспитанников в них не может быть велико, потому что плата за обучение в них по необходимости очень высокая: одно уже управление ими требует больших затрат. С ними дело обстоит так же, как с домами для бедных и больницами. На содержание зданий, жалование директорам, оплату труда надзирателей и прислуги уходит добрая половина отпущенных на них средств, и несомненно, что раздав эти деньги бедным, можно бы оказать им значительно более ощутимую пользу. Поэтому-то и маловероятно, чтобы в подобные учреждения мог поступать кто-либо, кроме детей богатых родителей.

Назначение подобных общественных учебных заведений в том, чтобы совершенствовать семейное воспитание. Как только родители и (или) их помощники в деле воспитания будут сами хорошо воспитаны, надобность в общественных учреждениях этого типа значительно уменьшится. В них должны проводиться эксперименты и формироваться те люди, которые смогут со временем обеспечить хорошее семейное воспитание.

Ныне семейное воспитание осуществляют или сами родители, или, за недосугом последних, отсутствием способности или даже и желания воспитывать своих детей, люди посторонние, нанимаемые за плату. Но при этом возникает серьезная трудность: разделение власти между родителями и нанятыми воспитателями. Ребенка ставят в ненормальное положение, в котором он должен принаравливаться и к требованиям воспитателей и к прихоти родителей. Единственный выход из этого положения в том, чтобы родители совершенно не вмешивались в деятельность воспитателей.

Но в чем же преимущества семейного воспитания перед общественным или же последнего перед первым? Если подходить к вопросу не только с точки зрения развития способностей, но и подготовки к обязанностям гражданина, то вероятно, как я склонен думать, в целом общественное воспитание имеет преимущество перед семейным. Семейное не только очень часто возрождает ошибки, унаследованные от прошлого семьи, но и имеет тенденцию закреплять и усугублять их в новых поколениях.

До какого возраста остается необходимым воспитание? Естественно, до того возраста, когда люди сами могут полностью управлять своим поведением, становиться родителями и сами воспитывать своих детей. Такая возможность появляется у человека приблизительно к шестнадцати годам. По достижении этого возраста можно, правда, еще прибегать к вспомогательным средствам нравственного воспитания и упражняться незаметно от окружающих во внутренней самодисциплине, но в систематическом воспитании как таковом более уже нет нужды.

Послушание ребенка бывает **п о з и т и в н ы м** или **н е г а т и в н ы м**. Позитивно то послушание, которое заключается в выполнении требований; оно необходимо до тех пор, пока в ребенке еще не сформировано сознание, способность самостоятельного суждения, пока еще в нем жива склонность к чистому подражанию. Негативно послушание, когда ребенок обязан делать, что другие хотят, если он желает, чтобы другие, в свою очередь, делали что-либо для него приятное. В первом случае непослушание влечет за собой наказание, во втором — роль наказания играет отказ воспитателя делать то, что желательно ребенку; в этом последнем случае, несмотря на то, что он уже способен мыслить, он все-таки еще не умеет ограничивать свои потребности и желания.

Одна из величайших трудностей в деле воспитания заключается в том, чтобы совместить само подчинение необходимости со способностью пользоваться свободой, ибо без внутреннего самопринуждения нет нравственности. Как должен я развивать чувство свободы, несмотря на неизбежное ограничение свободы? Я обязан сделать способность моих воспитанников ограничивать свою свободу их привычкой и вместе с тем должен так руководить ими, чтобы они научились пользоваться свободой. Без этого нет целенаправленного воспитания и, как результат, нет способности свободно выбирать правильную линию поведения. Ребенок с раннего возраста должен столкнуться с ограничивающим его импульсы противодействием, которое проистекает из природы и

условий человеческого общежития. Постепенно он сможет научиться переносить лишения, самому содержать себя, чтобы стать независимым.

Для достижения этого необходимо: во-первых, чтобы ребенку, начиная с самых ранних пор, всегда и во всем предоставлялась свобода (исключая такие случаи, когда он может повредить себя, например, если он хватается за острый нож), если только проявления последней не вступают в противоречие со свободой других (например, когда он кричит, или когда он чрезмерно шумно веселится и мешает другим).

Во-вторых, давать ему возможность убеждаться, что он способен достигнуть своих целей, только позволяя и другим достигать своих (например, не оказывать ему желательных для него услуг, если он не выполняет своих обязанностей: не делает уроков и т.п.).

В-третьих, дать ему убедиться, что только ограничение его свободы и позволяет пользоваться ею; что, развивая в себе эту способность к самоограничению, он сможет стать свободным, т.е. независимым от посторонних услуг и опеки. Но это последнее условие, благодаря которому разрешается самая трудная из педагогических задач, применимо лишь к более продвинутому уровню развития, ибо дети сравнительно поздно приходят к мысли, что впоследствии им самим придется заботиться о себе, например, о своем пропитании. Им кажется, что они всегда будут жить под крылышком родителей и что их всегда будут кормить-поить, не требуя за то никаких от них забот и усилий. Если же совсем игнорировать это третье условие, то дети навсегда останутся детьми. Это прежде всего относится к детям из богатых семей и наследникам правителей. В этом отношении общественное воспитание имеет неоспоримые преимущества, поскольку благодаря ему дети привыкают рассчитывать свои силы и ограничивать себя, прини.....

1. О ПЕДАГОГИКЕ ПРИРОДНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ ("Физическое" воспитание)

Хотя воспитателя редко нанимают к столь маленьким детям, чтобы он должен был заботиться об их физическом воспитании, тем не менее ему полезно знать о воспитании все: с самого начала и до конца. Кроме того, может случиться, что в доме еще родятся дети, и если воспитатель завоевал авторитет, то родители могут обратиться к нему за советом и по вопросам физического воспитания (нередко воспитатель — вообще единственный образованный человек в доме). Поэтому ему необходимо и знание о начальном этапе воспитания.

Собственно физическим воспитанием является только вскармливание ребенка, уход за ним родителей, кормилицы или няни. Естественное питание младенца — материнское молоко. Распространенное мнение, что ребенок вместе с ним "впитывает" характер матери — не более чем предрассудок. И мать и ребенок выигрывают, если мать кормит сама. Но и здесь в случае нездоровья матери возможны исключения. Прежде считалось, что первое молоко, которое бывает у рожениц, похожее на сыворотку, вредно для ребенка, и что мать должна его сцедить еще до первого кормления. Руссо впервые поставил перед врачами вопрос, не может ли и это первое молоко пойти ребенку на пользу. Руссо исходил из посылки, что природа ничего не делает напрасно, и, действительно, оказалось, что это молоко великолепно удаляет накопившиеся у плода шлаки, которые врачи называют, и что оно, следовательно, в высшей степени полезно.

Ставился вопрос о том, нельзя ли заменить женское молоко молоком животных. Но женское молоко во многих отношениях отличается от молока всех жвачных животных, которое быстро свертывается в кислой среде, например, при добавлении винной, лимонной кислоты или экстракта желудочного сока теленка (так называемый "телячий сычуг"). А женское молоко совсем не свертывается. Но если мать или кормилица в течение нескольких дней поддерживают вегетарианскую диету, то их молоко свертывается так же, как и коровье и т.п.; если же они затем в течение некоторого времени

едят мясо, то их молоко опять приобретает исходные свойства. Отсюда заключили, что полезнее всего для ребенка, чтобы мать или кормилица употребляли в период кормления в пищу мясо. Судя по тому, что ребенок отрыгивает свернувшимся молоком, кислотность его желудочного сока должна быть весьма высокой, иначе не свернулось бы молоко матери. Если бы ребенку стали давать такое молоко, которое слишком легко свертывается, это могло бы принести вред. Но примеры других народов показывают, что здоровье ребенка зависит не только от этого. Киргизы, например, не едят почти ничего, кроме мяса, но отличаются силой и здоровьем. Однако продолжительность жизни у всех таких народов невелика, и можно без больших усилий поднять вполне взрослого и рослого юношу, по внешнему виду которого не скажешь, что он мало весит. Наоборот, шведы, и особенно племена, живущие в Индии, почти совсем не едят мяса, и однако мужчины у этих народов довольно высокого роста. По всей вероятности, самое важное — это здоровье кормилицы и полноценность ее питания. Наилучшим же для нее питанием следует признать такое, при котором она лучше всего себя чувствует.

Спрашивается, чем же кормить ребенка, если нет женского молока? Пытаются заменить его различными кашами, однако нельзя рекомендовать вводить эти эрзацы слишком рано. В особенности вредны для детей возбуждающие напитки и специи — вино, пряности, соль и т.п. Но удивительна жадность, с какой дети набрасываются на подобные вещи. Очевидно, пряности доставляют им удовольствие, поскольку раздражают и оживляют их еще неразвитые вкусовые ощущения. Детям в России дают даже водку — матери, которые сами ее любят, и однако путешественники отмечают, что русские — здоровые, крепкие люди. Конечно, выдержать такую пищу могут только очень здоровые от природы дети; Но много детей при этом и умирает, тогда как они могли бы остаться в живых. Дело в том, что подобное преждевременное возбуждение нервной системы нарушает нормальное функционирование организма. Даже слишком горячие блюда или напитки ни в коем случае не следует давать детям, потому что и они ослабляют организм.

Детей не рекомендуется излишне укутывать, потому что температура их тела даже выше, чем у взрослых (у детей 110° Фаренгейту, а у взрослых только 96°). Поэтому дети задыхаются при той температуре воздуха, которая взрослым кажется нормальной. Закаливание вообще укрепляет здоровье, и взрослым не показано слишком тепло одеваться, укрываться и употреблять слишком горячую пищу. Ребенку поэтому полезно также привыкнуть к холодной и жесткой постели. Не повредят ему и умеренно прохладные купания. Не следует искусственно возбуждать в ребенке аппетит, последний должен быть всегда лишь следствием его активности и живости, и ни к чему нельзя приучать ребенка настолько, чтобы он не мог без этого обходиться. Даже и хорошее не следует искусственными мерами обращать в привычку.

Первобытные племена совершенно не знают п е л е н а н и я; в Америке, например, индейцы устраивают своих малышей в ямках, выложенных древесным перегноем (в который впитываются отбросы организма, а благодаря этому дети остаются лежать сухими), и покрывают их листьями; малыши свободно двигаются, как захотят и как могут. Если мы завертываем детей, как мумии, то единственно ради нашего собственного удобства. При этом мы тешим себя иллюзией, что благодаря пеленанию мы предотвращаем искривление членов, хотя на самом деле именно пеленание и способствует деформации скелета. Фиксируя неподвижность ребенка, мы вызываем у него страх, граничащий с отчаянием. Тогда мы пытаемся унять его плач, заклиная его успокоиться. Попробовали бы хоть раз спеленать взрослого человека, чтобы посмотреть, не стал ли бы он кричать и не впал бы в отчаяние.

Что касается собственно воспитания детей новорожденных и младенческого возраста, то оно должно носить чисто негативный характер, т.е. не мешать природе. Исключение делается только для закаливания. От пеленания необходимо отказаться. Чтобы избавить ребенка от многих опасностей, лучше всего поместить его в скрепленный ремнями каркас в форме лодочки; это — распространенное у итальянцев приспособление (.....). Ребенок свободно обживает такой кузовок и даже к груди его подносят вместе с кузовком.

Благодаря такой лодочке заснувшая мать никогда не сможет насмерть задавить ("заспать") ребенка, как это у нас очень часто случается. Вместе с тем ребенок имеет возможность шевелить руками и ногами, нормально развиваясь, тогда как пеленание нередко приводит к уродствам.

У качивание — еще одна традиция воспитания грудных детей. Крестьяне подвешивают люльку к перекладине и легким подталкиванием раскачивают ее из стороны в сторону; это наипростейший способ укачивания. Но укачивание любым способом вредно для ребенка. Даже у взрослого качание влечет за собой позыв к рвоте и головокружение. Этим средством хотят заглушить крик ребенка, а крик для него благотворен. Первый крик новорожденного необходим, чтобы началось легочное дыхание и кровообращение. Энергия крика способствует развитию и укреплению различных органов тела. Для ребенка пагубно, когда на его крик немедленно бросаются утешители, начинают ему петь и т.п. Именно так начинается нередко избалованность: ребенок, видя, что ему всего удастся добиться криком, все чаще и чаще пользуется этим.

Мы не согрешим против истины, если признаем, что дети простых людей больше избалованы, чем дети высокопоставленных родителей, поскольку простые люди играют с своими детьми, как обезьяны. Они им поют песни, заласкивают, зацеловывают их, танцуют с ними. Они полагают, что приносят пользу ребенку, когда бегут к нему на крик, развлекают его и т.п., а дети оттого кричат еще чаще. Если же, напротив, на их крик не обращают внимания, то они в конце концов, замолкают, ибо ничто живое не имеет склонности утруждать себя напрасно. Но, уже приучив их к выполнению всех их желаний, впоследствии приходится столкнуться с их своеволием. Если же предоставить им возможность кричать, им самим надоест. Потакая с раннего детства капризам и прихотям ребенка, мы портим и характер и поведение человека.

У младенца, разумеется, еще нет представления о правильном поведении, но его естественные склонности извращаются до такой степени, что потом приходится прибегать к весьма суровым наказаниям, чтобы перевоспитать ребенка. Когда детей хотят отучить от того, к чему успели приучить, они обнаруживают такую ярость, на какую способны только взрослые, и им не хватает только силенок, чтобы полностью проявить свое остервенение. До сих пор им стоило покричать, и они тут же получали все желаемое; они вполне деспотически господствовали над взрослыми. Естественно, что их раздражает, когда их господству кладут конец. Ведь это огорчает даже и взрослых людей.

Некоторое время после рождения, как минимум, в первые три месяца, зрение детей крайне несовершенно. Они, правда, имеют светоощущение, но не могут различать предметы. В этом легко убедиться, если перед их глазами водить чем-нибудь блестящим; сразу же видно, что они не следят за этим предметом глазами.

Примерно в то же время, что и зрение, появляется также способность плакать и смеяться. Достигнув этой степени развития, ребенок всегда теперь плачет "сознательно", каким бы туманным ни было еще его сознание. Он при этом всегда чувствует, что его обижают. Руссо рассказывает, что если просто легонько шлепнуть по руке ребенка в возрасте не менее шести месяцев, то он закричит так, как если бы ему на руку упала горящая головня. Стало быть, он явно связывает со шлепком "понятие" обиды.

Родители говорят очень много о ломке характера у детей. Но нет нужды бороться со своеволием, если оно не вызвано к жизни. А потворствовать деспотической воле детей, предоставляя им возможность всего добиваться своим криком, и значит воспитывать извращенное своеволие. Исправить дело впоследствии в высшей степени сложно, почти невозможно. Если применять силу, чтобы ввести поведение ребенка в рамки, то он затаит раздражение и в скрытых уголках сердца озлобится еще больше. Тем самым он будет привыкать к притворству, тайной смятенности чувств. Это может случиться, например, когда родители требуют, чтобы дети, которых они высекали розгой, целовали им руки. Подобными дикими, несообразными требованиями воспитывается криводушие, двуличие, фальшь. Ведь розга не такой, в самом деле, приятный подарок, чтобы испытывать за него

благодарность. И легко вообразить, какое смятение царит в душе ребенка, когда он целует эту руку, бившую его.

Нередко, чтобы научить детей ходить, прибегают к *п о м о ч а м* или *х о д у л я м*. Подумать только: учить детей ходить! Как будто кто-нибудь так и не научился ходить из-за недостатка инструктажа. Кроме того, помочи чрезвычайно вредны для здоровья. Один автор считает, что помочи способствуют развитию узкогрудости. Тянущийся ко всему ребенок, стремящийся поднять с земли все, что попадается, всей грудью налегает на помочи; а, поскольку грудная клетка у него еще не окрепла, она деформируется и остается такой на всю жизнь. В дополнение ко всему, дети быстрее и увереннее начинают ходить, когда они учатся этому сами. Ничего нет лучше, как позволить им ползать, пока не начнут ходить сами. Обейте войлоком стены и пол детской, вот ребенок и не занозится и, падая, не зашибется.

Вопреки распространенному мнению, дети падают легко и часто без всяких неприятных последствий. Благодаря падениям они скорее учатся сохранять равновесие, а также — увертливости, юркости, проворству. Чтобы предохранить голову и лицо от травм, детям имеют обыкновение одевать особые шапочки с широкими полями. Это — пример неправильного воспитания, когда прибегают к искусственным средствам вместо того, чтобы предоставить ребенку возможность научиться пользоваться своими природными. Таковые — в данном случае — руки; ребенок учится сохранять равновесие с помощью рук. Чем чаще применяются искусственные средства, тем более зависимым от них становится человек.

Вообще говоря, было бы лучше, если бы воспитатель с самого начала применял бы как можно меньше средств, облегчающих детям самообучение, тогда все, чему они научились, усваивалось бы ими прочнее, основательнее. Так, например, нет ничего невозможного в том, чтобы ребенок сам научился писать. Несомненно, что кто-нибудь уже самостийно доходил до этой, не столь уж великой, премудрости. Для этого надо только сказать, например, если ребенок попросит хлеба: "А сможешь его нарисовать?". Положим, ребенок нарисует тогда что-нибудь, напоминающее овал. В таком случае следует указать ему на то, что остается все-таки неясным, буханка ли хлеба или камень изображены им; таким способом его можно подвести к пониманию того, что слово "хлеб" можно написать. Он попытается обозначить звуки "х", "л" и т.д. со временем же изобретет свой собственный алфавит, который ему останется впоследствии только заменить на общепринятые знаки.

Существуют врожденные недостатки фигуры. Как можно исправить их? Многие специалисты доказали, что корсеты тут не только не помогают, но и усугубляют положение, ибо препятствуют циркуляции крови и лимфы, а также — здоровому развитию тела. Нельзя стеснять свободу движений, благодаря которым ребенок упражняет свое тело; и человек, который носит корсет, оказывается, сняв его, намного слабее, чем никогда его не носивший. Может быть, удалось бы исправлять врожденные дефекты, развивая слабые мускулы упражнениями с отягощением. Но это также весьма небезопасно, ибо трудно найти достаточное и необходимое отягощение. Лучше всего предоставить ребенку самому упражнять свое тело и принимать такие положения, при которых нагрузки на разные группы мышц распределяются оптимальным образом. Лучше, чем подобные упражнения, не помогут никакие приспособления.

Вред искусственных приспособлений усугубляется тем, что они вступают в противоречие с естественными путями становления разумного существа, ибо естественное развитие предполагает свободу, без коей нельзя научиться пользоваться своими возможностями. Воспитание должно только предотвращать изнеженность детей. Но против изнеженности есть средство: закаливание. Однако, и в закаливании опасны крайности: нельзя стремиться приучить детей ко всему. Русские делают ошибку, заходя в этом отношении слишком далеко; оттого-то у них и умирает невероятно много детей. Ведь в результате постоянного повторения какого-либо одного действия, особенно приятного, оно становится необходимостью, потребностью, привычкой. Ни к чему дети не привыкают так легко и ничего для них, следовательно, нет более опасного, чем

возбуждающие их табак, водка и горячие напитки. Очень трудно впоследствии обходиться без подобных вещей, и отвыкание от них поначалу вызывает физические страдания, поскольку повторное и частое их употребление приводит к изменениям в различных органах и отправлениях нашего организма.

Но чем больше привычек выработал в себе человек, тем менее он свободен и самостоятелен. С человеком случается то же, что и со всяким живым существом: у него возникает потребность в том, к чему он ранее привык. Вот почему необходимо предотвратить формирование прочно укоренившихся привычек.

Многие родители хотят приучить своих детей ко всему на свете. Но это бесполезно, ибо для человека вообще неестественно, а для некоторых просто и невозможно привыкнуть ко всему без разбору. Многие дети из-за этого так вообще ничему (полезному) и не могут научиться. Например, многие родители хотели бы, чтобы дети ложились спать и вставали в любое время, или чтобы они ели, когда от них этого требуют. Но чтобы выдержать такое, нужно обладать особенно крепким здоровьем, таким крепким, чтобы организм мог компенсировать вред, происходящий от подобного рода действий. Периодичность и регулярность естественны. Животные спят в определенное время и человеку следует привыкнуть спать в одни и те же часы, чтобы не нарушалось нормальное функционирование организма. Что касается вопроса о регулярном принятии пищи, то здесь аналогия с животными не годится, ибо, например, пища травоядных животных настолько мало калорийна, что им приходится есть почти непрерывно. А для человека очень важно принимать пищу в определенное время. Многие родители пытаются приучить детей переносить сильный холод, дурные запахи, любой шум и т.п. Все это совершенно лишнее. Важно только, чтобы не формировались (искусственные) привычки. А для того лучше всего время от времени изменять условия жизни ребенка.

Жесткая постель гораздо здоровее мягкой. Вообще, суровое воспитание весьма способствует закаливанию тела. Но под "суровым воспитанием" мы понимаем только ограничение чрезмерного комфорта. В замечательных примерах, подтверждающих это положение, нет недостатка, но их не принимают во внимание или, точнее сказать, не хотят принимать во внимание.

Что касается формирования характера, которое в известном смысле можно отнести к физическому воспитанию, то здесь самое главное — постоянно помнить, что дисциплина не есть рабство. Ребенку должно всегда давать чувствовать, что он свободен и свободен именно так, чтобы не стеснять свободу других. Отсюда — необходимость в ограничении свободы. Многие родители запрещают своим детям все, пытаясь выдрессировать у них терпение, и требуют поэтому от своих детей большего терпения, чем от самих себя. Но это просто зверство. Ребенку должно дать необходимую ему свободу и затем уже сказать ему: "Ты получил достаточно". И это последнее решение должно быть абсолютно неколебимым. Нельзя только обращать внимание на крик детей и потворствовать им, если они хотят добиться чего-либо криком; однако нельзя и отказывать им в том, что им действительно нужно и чего они просят спокойно и вежливо. Благодаря этому ребенок привыкает быть чистосердечным и видит, что к нему относятся доброжелательно, когда он никому не досаждаст своим криком. Как бы самим провидением детям дано ласковое выражение лица, чтобы они могли располагать к себе взрослых. Ничто не приносит большего вреда, чем унижительная рабская дисциплина, с помощью которой хотят сломить чувство собственного достоинства и волю детей.

Мы часто кричим на детей: "Эй, стыдись, этого нельзя делать!" и т.п. Но с самых первых шагов воспитания ничего подобного не должно иметь места. Пока ребенок не составит еще себе понятий о стыде и приличии, ему нечего стыдиться, он не должен стыдиться; подобные выражения вызывают у него только страх. Он становится робким, начинает избегать других людей. Так возникает замкнутость и пагубная скрытность. Он не смеет ничего просить, хотя, конечно же, у него есть, о чем попросить; он скрывает свои желания и кажется всегда не таким, каков он на самом деле, в то время как ему пристало

высказывать все искренно и свободно. Вместо того, чтобы быть постоянно около родителей, он избегает их и предпочитает общение с угодливой прислугой.

Но не лучше такого воспитания, унижающего достоинство ребенка, и воспитание в праздности и изнеженности, укореняющее своеволие в ребенке, лживость; лишаящее родителей авторитета. Если же его воспитывать таким образом, чтобы он ничего не мог добиться своим криком, то он станет независимым и при этом не бесцеремонным, скромным и притом неробким. Орфография слова *dr e i s t* ("дерзкий") должна бы, собственно, быть другой — *d r a u s t*, поскольку это слово происходит от "грозить", "угрожать" (*d r a u e n*, *d r o h e n*). Наглый, дерзкий человек невыносим. Есть много людей, оскорбительное высокомерие которых откладывает столь явственный отпечаток на их лицах, что самый внешний вид их как бы обещает хамские выпады; одного взгляда на другие лица, напротив, достаточно, чтобы понять, что эти люди не способны дерзить. Толики доброты довольно, чтобы откровенность и прямота в манерах и поведении приобрели характер чистосердечия. О высокопоставленных лицах часто говорят, что у них в облике есть нечто прямо-таки "царственное". Но эта "царственность" — не что иное, как высокомерие, которое они усвоили с младенчества, ни в чем и ни в ком не встречая противодействия.

Все сказанное выше можно считать "негативным" воспитанием, ибо много людских слабостей часто происходит не от того только, что человека ничему не научили, а еще и от того, что ему внушили ложные представления. Так, например, няни приучают детей бояться пауков, кротов и т.д. Дети, конечно, восприняли бы паука так же, как и всякую другую вещь; но так как на лице няни, завидевшей паука, отражается ее отвращение, последнее, понятно, передается и ребенку. У многих этот ребяческий страх остается на всю жизнь, а ведь, представляя опасность для мух, паук безвреден для человека. И крот такое же безобидное животное, как и красивая зеленая лягушка или иная какая тварь.

* * *

В качестве позитивной составной части в педагогику природных способностей человека входит *н р а в с т в е н н о е* *в о с п и т а н и е*. Благодаря ему человек отличается от животного. Оно состоит преимущественно в упражнении его душевных сил. Поэтому родители должны предоставлять детям возможности для этого упражнения. Первое и самое главное правило при этом состоит в том, чтобы как можно меньше применять вспомогательных средств. Так, с самого начала следует обходиться без помочей и без ходуль и позволять ребенку ползать по полу, пока он сам не научится ходить. Тогда он будет ходить скорее и лучше. Дело в том, что вспомогательные средства только разрушают умения пользоваться природными средствами. Так, для измерения длины пользуются маркшейдерским шнуром, но это с успехом можно делать с помощью глазомера; для определения времени — часами, но то же можно сделать по положению солнца; чтобы не заблудиться в лесу — компасом, но можно ведь днем — по положению солнца, а ночью — по положению звезд. Даже преодолевать водные расстояния можно не с помощью лодки, а вплавь. Знаменитый Франклин удивляется, что не все умеют плавать, хотя это так приятно и полезно. Он предлагает также легкий способ самому научиться плавать. В воду, в неглубоком месте, пускают яйцо, которое надо постараться схватить. При попытке нагнуться ноги отрываются от дна, а шея прогибается назад настолько, чтобы нельзя было захлебнуться; таким образом тело принимает необходимое для плавания положение. Затем остается работать руками, и человек плывет.

Все дело только в том, чтобы культивировать природные способности. Иногда для этого нужно инструктирование, иногда же ребенок достаточно находчив, чтобы обходиться без подсказки или самому изобрести вспомогательные орудия.

Что касается относящейся к физическому воспитанию культуры тела, то следует обратить внимание как на развитие произвольных движений, так и органов чувств. Для развития первых самое важное, чтобы ребенок всегда сам находил выход из затруднительного положения, развивая в себе крепость, ловкость, сноровку, осторожность

и уверенность; например, умел бы пройти и по узким тропинкам, и по крутым обрывам, и по шаткому мостику над глубиной. Если человек не умеет этого, он не совсем то, чем мог бы быть. С тех пор, как "филантропин" в Дессау показал в этом отношении пример, много подобных опытов теперь произведено с детьми и в других учебно-воспитательных заведениях. Когда читаешь, как швейцарцы привыкают уже с ранних лет ходить по горам и какого прочного навыка они достигают, чтобы совершенно уверенно карабкаться по самым узким тропинкам и "на глазок", но при этом безошибочно точно, прыгать через пропасти, невольно испытываешь восхищение. Большинство же людей боится воображаемого падения, и этот страх как бы сковывает их члены, так что подобное хождение действительно сопряжено для них с опасностью. Этот страх, как правило, усиливается с возрастом, и оказывается, что он преимущественно свойственен людям, занимающимся умственным трудом.

Упражнения детей в подобного рода движениях на самом деле не особенно опасны. Вес их, пропорциональный их силам, гораздо меньше, чем у взрослых, и поэтому дети падают без тяжелых последствий. Кроме того, и кости у них не такие хрупкие и ломкие, какими они становятся с возрастом. Дети сами часто пробуют, на что хватит их силенок. Так, мы, например, наблюдаем, как часто они лазают и притом без видимой цели. Беганье — здоровое движение, и оно укрепляет тело. Прыганье, поднимание и ношение тяжестей, метанье, бросанье в цель, борьба, бег наперегонки и все подобные упражнения очень хороши. Вводить танцы как искусственные движения для маленьких детей, пожалуй, слишком рано.

Упражнение в бросании и вдаль и в цель направлено также на развитие органов чувств, особенно глазомера. Игра в мяч — одна из лучших детских игр, поскольку она сопряжена с полезным для здоровья беганьем. Говоря в общем, те наилучшие, в которых сочетается упражнение в ловкости с упражнением органов чувств; например, развитие глазомера (способности правильного суждения о расстоянии, величине и пропорции); способности ориентироваться по странам света, учитывая положение солнца и т.д. — все это хорошие упражнения. Полезны также и упражнения зрительной памяти, под которой понимается способность воспроизводить в воображении все на тех местах, где это в действительности видели. Это весьма полезная способность, помогающая, например, выбраться из леса именно благодаря тому, что запоминаются деревья, мимо которых проходили. Способность — *memoria localis* — проявляется также в том, что человек знает, например, не только то, в какой книге им что-либо прочитано, но и в каком месте книги. Благодаря этой способности музыкант помнит клавиатуру, так что ему нет нужды лишний раз смотреть на нее. Равным образом необходима для воспитания слуха способность различать, издалека ли, вблизи ли и с какой стороны раздается звук.

Игра детей в прятки была известна уже древним грекам, которые называли ее □□□□□ □. Вообще, детские игры существенно однотипны: распространенные в Германии встречаются в Англии, во Франции и т.д. В основе их лежит естественная потребность детей — при игре, например, в прятки, убедиться, смогут ли они обойтись без одного из органов чувств. Волчок — другая игра; но он принадлежит к разряду таких детских игр, которые дают взрослым материал для размышлений и иногда даже повод к серьезным изобретениям. Так, Зегнер написал ученый трактат о волчке, а одному английскому капитану волчок послужил основанием для изобретения зеркала, с помощью которого можно измерять высоту звезд, находясь на морском судне.

Дети любят инструменты, производящие шум, например, барабаны, трубы и т.п. Но игры с такими инструментами недопустимы, ибо они могут досаждают окружающим. Кроме того, было бы очень желательно, чтобы дети учились сами изготавливать для себя музыкальные игрушки, например, вырезать дудки из тростника.

Качели также способствуют развитию активных движений; и взрослым они полезны для здоровья; нужно только следить за детьми, чтобы качели не раскачивались ими слишком быстро. Бумажный змей — также идеальная игра, развивающая ловкость, так

как, чтобы змей поднялся на достаточную высоту, нужно уметь занять определенное положение с учетом направления ветра.

Подчиняясь правилам игры и будучи увлечен ею, ребенок отказывается от некоторых своих желаний и потребностей и поэтому научается постепенно переносить все большие лишения. К тому же он привыкает к продолжительной занятости определенной деятельностью, и именно поэтому игра должна быть целенаправленной и содержательной.

Чем более таким путем укрепляется и закаляется его тело, тем более он гарантирован от губительных последствий изнеженности. Гимнастические упражнения должны только помогать совершенствованию естественных активных движений, а не вырабатывать ненатуральные, манерные, жеманные. Сообщение знаний при этом должно следовать за дисциплинированием, а не наоборот. И еще необходимо иметь в виду, что физическое воспитание должно сочетаться с воспитанием общительности. Руссо говорит: "Вы никогда не сможете воспитать добропорядочного человека, если в детстве он был послушным тихоней". Из веселого мальчугана скорее вырастет хороший человек, чем из всезнайки, хитрого, умничающего подростка. Ребенок должен уметь так вести себя в обществе, чтобы и никого не стеснять и ни перед кем не заискивать. По отношению к окружающим он должен быть доверчивым, но не фамильярным; прямым, но не настырным. Воспитать эти качества можно так: не балуйте ребенка, но и не навязывайте ему абстрактной идеи приличия; это сделает его только робким и застенчивым, а, напротив, поощряйте его к самопроявлению. Нет ничего нелепее, чем старческая добродетельность или самомнение всезнающего ребенка. В последнем случае мы должны дать почувствовать ребенку его недостатки, не подчеркивая однако слишком сильно нашего превосходства и власти, с тем, чтобы он самовоспитывался именно только как член общества, в котором достаточно места для его индивидуальности, но в котором должно быть место и для других.

В "Тристане и Изольде" Тоби говорит назойливой мухе, которую он выгоняет в окно: "Лети, назойливая тварь; в мире достаточно места и для меня и для тебя!". Эти слова могли бы стать девизом каждого человека. Мы не должны притеснять друг друга; в мире достаточно места для нас всех.

Теперь мы переходим к вопросам воспитания еще и других душевных качеств, которые также в известной мере можно отнести к природным.

Необходимо отличать друг от друга природу и свободу. Ограничивать свободу по законам мира и жизни — совсем не то, что развивать природные способности. Природа тела и природа духа имеют, однако, и сходство, а именно то, что при их взаимосвязанном воспитании самое важное — не вносить ничего искусственного. В этом смысле формирование некоторых душевных качеств в не меньшей степени, чем формирование тела, можно назвать "физическим воспитанием".

Это физическое воспитание духа отличается от нравственного воспитания тем, что последнее имеет своей целью только свободу, а первое — только природу. Человек может быть очень хорошо развит физически, его духовные силы могут быть очень хорошо сформированы, но при этом он может быть глубоко безнравственным и к тому же злобным.

Физическое воспитание духа следует отличать от практического, поскольку последнее представляет собой прагматическое или нравственное воспитание, а первое — культивирование природных способностей.

В физическом воспитании духа мы различаем свободное и систематическое. Свободное воспитание — это как бы игра; систематическое, напротив, "всамделишное" занятие; результаты свободного воспитания должны обнаруживаться в ребенке постоянно и неизменно, а систематическое предполагает некий нажим, давление на воспитанника. Занятие игрой — это занятость досуга, но занятость под давлением необходимости есть

работа. Систематическое воспитание должно выступать для ребенка как работа, а свободное — как игра.

Изобретено немало различных стратегий воспитания, чтобы опытным путем установить — и это весьма похвально — какая методика воспитания дает наилучший результат. Но некоторые додумались до того, чтобы дети учились в игре. Л и х т е н б е р г в своей статье в "Геттингенском журнале" возмущается тем самообманом, с которым пытаются всю деятельность детей свести к игровой; а ведь детей следовало бы как можно раньше приучить к серьезным занятиям, ибо им предстоит вступить в трудовую жизнь. Сведение учения к сплошной игре дает самый нежелательный результат. Ребенку следует играть, ему следует иметь часы отдыха, но он должен также научиться работать. Культивирование его физических способностей, конечно же, так же полезно, как и культивирование духовных, но оба вида воспитания должны проводиться в разное время. И без того уже склонность людей к безделью составляет их сугубое несчастье. И чем больше времени проводит человек в праздности, тем труднее решиться ему приступить к работе.

При работе деятельность приятна не сама по себе; ее совершают ради осуществления некоего замысла. Напротив того, в игре деятельность приятна сама по себе, вне отношения к какой-либо внешней цели. Когда идут гулять, то прогулка самоцельна и чем дольше она длится, тем больше удовольствие. Если же мы направляемся куда-либо, то целью нашего хождения является какое-либо общество, находящееся в данном месте, или что-нибудь иное, и нам желателен кратчайший путь. Та же самоцельность есть и в карточной игре. В самом деле, есть нечто особенно примечательное в том, что разумные люди нередко часами способны просиживать за картами. Отсюда следует, что люди не так-то легко перестают быть детьми. Ибо чем, собственно, такая игра отличается от детской игры в мяч? Нет, взрослые не преобразуют палочку в коня, но зато всегда готовы сесть на своего конька.

Нет ничего важнее, чем научить детей работать. Человек — единственное животное, которое должно работать. Долгим путем пришлось идти ему к тому, чтобы иметь возможность наслаждаться плодами своего труда. На вопрос, не лучше ли бы позаботилось о нас небо, если бы предоставило нам все в уже готовом виде, так, чтобы мы могли бы и не трудиться, следует ответить решительным "нет", ибо у человека есть тяга к деятельности и притом к такой, которая несет с собой необходимость в известном самопринуждении. И совершенно ложно представление об Адаме и Еве, которые, доведись им остаться в раю, ничего не стали бы делать, как только есть, безмятежно распевать и любоваться красотами природы. Их, несомненно, истерзала бы тоска, как и любого человека в подобной ситуации.

Человек должен работать так, чтобы, не помня о себе, помнить только о стоящей перед ним цели, и подлинным отдыхом для него должен быть отдых после работы. Ребенка, стало быть, должно приучить к трудовым усилиям. А где в большей мере необходимо культивировать эту любовь к труду, как не в школе? Школа есть воспитание необходимостью, непреложностью труда. Крайне вредно приучать ребенка относиться ко всему как к игре. У него должно быть время для отдыха, но должно быть также и некоторое время, предназначенное для труда. Если даже ребенок и не сразу осознает эту необходимость, то позднее он откроет для себя великую от нее пользу. И на вопросы детей, отчего так, отчего этак, не следует, как правило, давать готовых ответов, чтобы не потворствовать праздному любопытству. Воспитывать должна сама необходимость, а не принуждение, формирующее рабов.

Что касается свободной культивации умственных способностей, то особенно важно следить, чтобы они прогрессировали непрерывно. Это относится к собственно высшим душевным способностям. Культивация низших способностей должна сопутствовать культивации высших, но подчиняться последней: так, развитие остроумия должно быть подчинено развитию рассудка. Здесь главное — не культивировать ни одну из душевных способностей отдельно саму по себе, но исключительно только во взаимосвязи с другими, например, способность воображения подчинять совершенствованию рассудка.

Низшие способности, взятые сами по себе, не имеют ни малейшей ценности, например, обладание прекрасной памятью никоим образом не дает еще способности суждения. Человек с такой структурой способностей — ходячая энциклопедия. Впрочем, такие вьючные ослы Парнаса тоже нужны; если они сами и не способны к подлинному творчеству, то все же в силах приволакивать строительные материалы, из него другие могут создать что-либо толковое. Остроумие порождает чистый вздор, если оно не сопряжено со способностью суждения. Рассудок познает общее. Способность суждения применяет это общее к частным случаям. Разум есть способность выводить частное из всеобщего. Свободная культивация этих умственных способностей должна сопутствовать всему процессу воспитания — с детства вплоть до того времени, когда молодой человек освобождается от всякого воспитания. Например, если учащийся приводит какое-либо общее правило, то следует предоставить ему возможность конкретизировать его историческим и особенно выразительным поэтическим материалом, что послужит одновременно поводом к упражнению его остроумия, памяти и т.п.

Выражение "tantum scimus, quantum memoria tenemus" бесспорно, справедливо, и поэтому совершенно необходима культивация памяти. Уж так мы устроены, что чувственные восприятия, которые должна удерживать память, неизбежно предшествуют мышлению. Это справедливо и в отношении изучения, например, иностранных языков. Ими можно овладеть и с помощью формального запоминания, и в ходе живого общения, и последнее — наилучший метод изучения современных языков. Обогащение словарного запаса действительно необходимо, но лучше всего поощрять к запоминанию тех слов, которые встречаются у изучаемого автора. Следует точно и правильно определить объем материала, предназначенного для запоминания. Географию лучше всего учить с помощью известных мнемонических приемов, благотворно сказывающихся на усилении памяти и в ряде случаев, действительно, очень полезных. Для изучения хронологии еще не изобретены достаточно эффективные мнемонические приемы, делались опыты с таблицами, но, по-видимому, и с ними дело не подвигается. А между тем история — прекрасное средство упражнения интеллекта в способности суждения. Заучивать наизусть весьма полезно, но никуда не годится самоцельное заучивание, например, речей, это, пожалуй, и вредно, ибо только поощряет к самоуверенности, притом декламировать более пристало взрослым. Сказанное относится и ко всему, что заучивают лишь к предстоящему экзамену или для *futuram oblivionem*. Память следует загружать только такими вещами, удержание которых для нас важно и которые связаны с действительностью. Особенно вредно для детей развлекательное чтение приключенческой авантюрной, чисто сюжетной, литературы, абсолютно никчемной. Такое чтение ослабляет память. Ведь смешно было бы желать запомнить многотомное нагромождение необыкновенных приключений или пытаться пересказать их другим. Поэтому нужно отбирать у детей подобную литературу. Читая ее, они создают как бы сюжет в сюжете, потому что представляют себе события не так, как они изображены, все перепутывается в рое образов, и дети теряются в рассеянном бездумии.

Никогда нельзя допускать рассеянности, всего менее в школе, потому что школа в конечном счете призвана сформировать вкус к сосредоточенности. Прекраснейшие таланты гибнут в том, кто не способен к сосредоточенному вниманию. Когда дети рассеиваются, предаваясь досугу, они затем все-таки могут быстро сконцентрировать внимание, когда же у них в голове какие-нибудь дурные проделки, их невнимательность достигает предела, так как они думают в этот момент о том, нельзя ли скрыть или искупить вину. Тогда они все слышат впослуха, отвечают невпопад, не понимают, что читают и т.д.

Память следует культивировать с раннего возраста, но одновременно со способностью рассуждения.

Память развивается 1) благодаря запоминанию названий предметов и явлений в рассказах; 2) благодаря чтению и записям; но чтение должно быть для этого достаточно беглым, а не разбором слов по буквам; 3) благодаря изучению иностранных языков,

которые следует научить детей сначала воспринимать на слух, прежде чем они будут читать что-либо. Затем весьма полезно изучить целесообразно расположенный так называемый Orbis pictus и можно приступить к усвоению ботаники, минералогии и вообще естествознания. Чтобы дать общее представление об этих предметах, потребуются и рисование и моделирование, для чего нужна математика. Начальное естественнонаучное образование лучше всего связать с преподаванием географии, как математической, так и физической. Рассказы о путешествиях, поясняемые гравюрами и картами, подводят затем и к политической географии. От современного состояния земной поверхности восходят к геологической истории Земли, к древней истории и т.д.

В ходе обучения следует стараться постепенно совмещать знание и умение. Среди всех наук, пожалуй, только математика способствует наилучшим образом достижению этой цели. Кроме того, должно соединить знание и умение выражать свои мысли (говорить убедительно, ярко, веско и связно). Но и ребенок уже должен учиться отличать знание от всего только мнения или верования. Тем самым формируется рассудок, не принимающий белое за черное, и в е р н ы й, а н е р а ф и н и р о в а н н ы й или и з н е ж е н н ы й вкус. Прежде всего указанное качество должен приобрести эстетический вкус, главным образом, к визуально воспринимаемым формам; и в последнюю очередь — интеллектуальный.

Основным содержанием интеллектуального воспитания должны быть закономерности. При этом очень полезно детям самим формулировать эти закономерности для того, чтобы рассудок применял их не механически, а сознательно.

Благотворно также сведение закономерности к известной формуле, чтобы она в таком виде запечатлевалась в памяти. Помня ее, мы не растеряемся даже если не будем знать, как приложить ее к конкретному случаю. Здесь возникает вопрос, следует ли in abstracto предпосылать общие правила конкретным примерам их применения или же давать правила вместе с примерами их применения. Рекомендовать можно лишь последнее; иначе неизбежно большое число ошибочных действий, не управляемых правилами. Применять общие правила следует как к отдельным случаям, так и систематически, ибо их нельзя удержать в памяти, если они сведены во взаимосвязанную систему. Следовательно, при изучении языков грамматика должна всегда несколько опережать (введение другого материала).

* * *

Но мы должны теперь дать более строгое понятие как цели воспитания, так и способа ее достижения.

1) О б щ е е к у л ь т и в и р о в а н и е д у ш е в н ы х с п о с о б н о с т е й, в отличие от специального воспитания, имеет целью формирование способностей и совершенствование личности, заключающееся не в том, чтобы дать воспитанникам некие специальные познания, а в том, чтобы укрепить их душевные силы. Оно состоит —

а) как из ф и з и ч е с к о г о воспитания (основывающегося на упражнении и дисциплине, причем детям не обязательно знать максимы; для учащегося оно п а с с и в н о, им руководят и за него думают другие),

б) так и из н р а в с т в е н н о г о. Оно исходит не из дисциплины, а из максим. Все дело воспитания рухнет, если захотят основать его на примерах, угрозах, наказаниях и т.п. Это было бы не более, чем только дисциплинированием. Должно стремиться к тому, чтобы воспитанник поступал хорошо, исходя из собственных максим, а не по привычке, чтобы он не просто только делал добро, но чтобы он делал добро оттого именно, что делать добро хорошо. Ибо нравственная ценность поступков заключена только в максиме добра. Физическое воспитание тем отличается от нравственного, что оно для ребенка пассивно, тогда как последнее деятельно по своей природе. Ребенок должен всякий час сознательно исходить в своем поведении из понятий о долге.

2) Специальное культивирование душевных способностей. К нему относится: развитие познавательных способностей, чувств, воображения, памяти, устойчивости внимания и остроумия, — всего, что относится к низшим умственным способностям. О совершенствовании органов чувств, например, зрения, речь шла выше. Что касается культивации способности воображения, то надобно иметь в виду следующее. Дети обладают необыкновенно богатой фантазией, и нет никакой нужды перенапрягать и расширять ее сферу сказками. Наоборот, ее следует сдерживать и приводить в связь с закономерностями, хотя и необходимо давать ей здоровую пищу.

Таковой могут служить, например, географические карты, обладающие некоей притягательной силой для всех, даже и самых маленьких детей. Им может надоесть все на свете, кроме географических карт, из которых они извлекают для себя нечто новое всякий раз, как принимаются их рассматривать. Это — хорошее занятие для детей, причем их воображение не приобретает характера хаотического фантазирования, удерживаемое конкретностью определенных образов. Действительно, можно было бы начинать обучение с географии, одновременно используя рисунок животных, растений и т.п., они должны оживить географию. Приступать к изучению истории следует позднее.

Что касается развития внимания, то последнее необходимо всячески укреплять, избегая крайностей. Упорное сосредоточение наших мыслей на одном предмете есть не столько талант, сколько, скорее, слабость наших душевных способностей, которые в таком случае становятся окостенелыми, негибкими, что затрудняет их свободное применение. Рассеянность же — враг всякого воспитания. Да и память зависит от внимания.

Что же касается высших умственных способностей, то к ним относятся: рассудок, способность суждения и разум. Рассудок вначале можно формировать до известной степени пассивным путем, приводя примеры применения определенного правила или, наоборот, выводя правило из частных случаев. Способность суждения дает возможность применять созданные рассудком понятия. Она необходима для того, чтобы понимать, что человек учит или говорит, и не повторять ничего, не поняв. Многие читают и слушают, ничего не понимая, и в то же время все берут на веру. Чтобы предупредить это, полезно применять изобразительную и предметную наглядность.

При помощи разума мы судим по основоположениям. Но нельзя забывать, что речь здесь идет о разуме, которым еще руководят. Следовательно, он и сам должен быть весьма осторожен в попытках рассуждать, да и перед ним не следует много рассуждать относительно того, что превосходит его понимание. Здесь мы имеем дело еще не со спекулятивным разумом, а с рефлексией о том, что есть следствие своих причин и действий. По своему содержанию и способу функционирования — это практический разум.

Душевные способности культивируются лучше всего, когда дети делают сами все то, чего хотят достигнуть, — например, когда выученное грамматическое правило тотчас же применяют на практике; чтобы когда сами учатся составлять географическую карту, научиться разбираться в ней. Лучшим вспомогательным средством для понимания служит собственное творчество. Всего основательнее человек научается тому и всего лучше запоминает то, до чего он доходит самостоятельно. Между тем лишь немногие люди способны на это, так называемые "самоучки" (□Щtod...dJcto...).

Формировать разум следует сократовским методом. Именно Сократ, который называл себя "повивальной бабкой" познаний своих слушателей, дает нам в своих диалогах, которые до некоторой степени сохранил Платон, примеры того, как можно совершенствовать разум даже к немолодым людям. Не следует чрезмерно часто упражнять детей в применении разума. Они не должны умничать по всякому поводу. Им нет нужды знать те основоположения, по которым их воспитывают, но все, что касается долга, необходимо довести до их сведения. Говоря вообще, суждения разума не должны даваться детям в готовом виде; они должны доискаться до них. Поэтому сократовский метод должен стать правилом. Правда, он достаточно времемок, и трудно добиться того, чтобы сократическая беседа с одним учащимся была бы одновременно полезна и для остальных.

При обучении некоторым дисциплинам годится также и выспрашивание заученных ответов, например, при преподавании богооткровенной религии. При изучении естественной религии, напротив, следует пользоваться сократовским методом. Усвоение исторического материала разного рода предпочтительно путем механического заучивания.

Сказанное относится также к формированию чувств удовольствия и неудовольствия. Оно должно быть негативным по характеру, а само чувство не должно быть изнеженным. Для человека нет худшего зла в жизни, чем стремление к праздности. Поэтому в высшей степени важно, чтобы дети с ранних лет научились работать. Да, в сущности, дети, если они только еще не избалованы, любят удовольствия, сопряженные с преодолением трудностей, и занятия, которые требуют напряжения сил. Не следует делать их и лакомками, позволять им выбирать блюда. Обычно матери портят детей в этом, да и вообще часто балуют их. И однако дети, особенно сыновья, более любят отцов, нежели матерей. Это, вероятно, происходит оттого, что матери не позволяют им прыгать, бегать и т.п. из страха, что они могут удариться и т.п. А отец и бранит их, а иной раз и бьет за шалости, но выводит их тем не менее иногда в поле и дает им там бегать, играть и веселиться, как то положено детям.

Некоторые люди считают, что заставляя детей подолгу ждать чего-либо, упражняют тем самым их терпение. Но в этом вовсе нет никакой необходимости. Вот в болезнях и подобного рода случаях они, действительно, нуждаются в терпении. Терпение бывает двоякого рода. Оно проявляется и тогда, когда человек отказывается от всякой надежды, и тогда, когда он вновь находит в себе мужество. Нет нужды проявлять терпение первого рода, если только всегда требовать возможного, а терпение второго рода всегда имеет право на существование, если только человек добивается благого. Больному потеря мужества вредит как раз настолько, насколько улучшает его состояние добрая надежда. Кто может понять это и применить по отношению к физическому или моральному своему состоянию, не потеряет и надежды.

Детей нельзя запугивать. А это происходит, как правило, в тех случаях, когда на них обрушиваются с бранью и часто стыдят. Сказанное относится к излюбленному родителями восклицанию: "Фи, как ни стыдно!". Совершенно не понятно, почему, собственно, ребенок должен стыдиться, когда он, например, сосет пальцы или делает нечто подобное. Им можно сказать, что так не принято делать или что подобное действие не считается признаком хорошего тона. "Фи, как ни стыдно!" — можно сказать детям только, если они лгут. Чувство стыда естественно, и оно выдает человека, как только он солгал. Поэтому, если родители никогда не вызывают в своих детях чувства стыда за исключением тех случаев, когда они солгали, это чувство стыда по отношению к неправде сохранится у них на всю жизнь. Если же их непрестанно стыдить, то формируется род робости, запуганности, от которого впоследствии никогда не удастся избавиться.

Волю детей, как уже отмечалось, следует не ломать, но только направлять. И делать это надо так, чтобы волевые усилия преодолевали естественные препятствия. Конечно, совсем маленький ребенок должен слушаться старших неукоснительно. Неестественно, чтобы ребенок командовал взрослыми своим криком и чтобы сильный слушался слабого. Поэтому никогда, даже и позднее, не следует потворствовать их крику и позволять им добиваться чего-либо при его помощи. Как правило, родители совершают именно эту ошибку и желают впоследствии исправить ее тем, что все подряд запрещают детям. Но это безумие — отказывать детям без всякого основания, когда они ждут проявления родительской доброты, только для того, чтобы оказать им противодействие и дать почувствовать свою родительскую власть.

Детей портят, и исполняя любое их желание, и поступая явно вопреки их воле и желаниям. Капризам потакают, как правило, до тех пор, пока ребенок служит игрушкой для родителей, преимущественно до того момента, как дети начинают говорить. При этом детям наносят ущерб, который сказывается на протяжении всей их жизни. Однако, противодействуя воле детей, одновременно приносят им и пользу, сдерживая попытки к непослушанию, и вред, загоняя внутрь их желания, от чего последние только распаляются.

Ибо дети не доросли до понимания того, как они должны правильно себя вести. Поэтому в обращении с детьми раннего возраста необходимо придерживаться следующего правила: приходить им на помощь, если вы полагаете, что их крик вызван действительно серьезной причиной, и оставлять их без внимания, если они просто капризничают. Подобным образом следует во что бы то ни стало поступать и по отношению к повзрослевшим детям. Отпор, с которым сталкивается ребенок в таком случае, должен быть оправданным и носить, в сущности, негативный характер: просто не уступать нажиму ребенка. И все-таки, несмотря на это, многие дети добиваются чего захотят от родителей, стоит им только свои требования облечь в форму вежливой просьбы. В детях воспитывается злобность, когда им позволяют всего добиваться криком, и слабохарактерность, когда они добиваются всего просьбами. Поэтому, если нет никакой уважительной причины для отказа, то просьбу ребенка необходимо исполнить. Если же имеется такая причина, то и вежливые просьбы не следует выполнять, и нельзя позволять себе изменять принятое решение, как бы сильно и многократно ни повторялись просьбы. Отрицательный ответ должен быть окончательным. Важнейшим следствием из этого будет, что редко придется отказывать ребенку в его просьбах.

Допустим, хотя это и чрезвычайно трудно предположить, что у ребенка была бы естественная склонность к блажи и капризам; тогда лучше всего вести себя так, что, если он ничем не поступает ради нас, то и мы в ответ ничем не будем поступать ради него. — Рабскую психологию порождают попытки сломить волю ребенка; способность властвовать над собой воспитывает оправданный отпор (своеволию ребенка).

Нравственное воспитание должно исходить из максим, а не из дисциплины. Дисциплина предотвращает неправильный образ действий, а нравственное воспитание формирует правильный образ мышления, необходимый, чтобы ребенок строил свое поведение на основе максим, а не тех или иных склонностей и пристрастий. Дисциплинирование оставляет в человеке одну только привычку, к тому же ослабевающую с течением времени. А ребенку необходимо осознанно усвоить такой образ действий, который проистекает из самостоятельно выработанных убеждений в справедливости его максим. Ясно, что сформировать такие убеждения в маленьких детях достаточно трудно, и поэтому от родителей и детей задачи нравственного воспитания требуют наибольших усилий и внимания.

Если ребенок, положим, говорит неправду, наказывать его нельзя; пусть он столкнется с вашим презрением; скажите ему, что отныне ему трудно будет верить и т.п. Наказывать ребенка за принесенное им зло и воздавать ему за благо — и значит приучить его творить благо только ради **своего** собственного блага. А вступит он, став взрослым, в мир, где все не так, где вознаграждение за добро и наказание зла вовсе не обязательны; и станет человеком, который только и ищет, где бы ему в этом мире пожить, который творит злое или доброе в зависимости от того, что он будет считать **для себя** наиболее выгодным.

Человек должен сам выработать максимы своего поведения. Осуществляя нравственное воспитание, следует уже в раннем детстве поощрять к поискам ответов на вопросы о том, что хорошо и что плохо. Чтобы сформировать прочные основы нравственности, необходимо отрешиться от наказаний. Нравственность есть нечто слишком высокое и заветное, чтобы ее можно было низвести до уровня дисциплины. Нравственное воспитание состоит прежде всего в формировании характера. А под характером понимается такая направленность личности, при которой поступки строятся по максимам, вначале — по "школьным", а впоследствии — по общечеловеческим. Школьник повинуется законам; максимы тоже суть законы, только субъективные: они суть следствие убеждений, вырабатываемых человеком самостоятельно. Но нельзя попустительствовать и никакому нарушению "школьных законов", всегда, однако, соразмеряя взыскание с характером их нарушения.

При формировании характера ребенка многое зависит от того, подводят ли его к пониманию некоего плана, некоего закона, заложенных в самой природе вещей и требующих самого неукоснительного исполнения. Так, если для ребенка установлено

строго определенное время для сна, для работы, для развлечений, то это время не следует уже более ни увеличивать, ни сокращать. В вопросах менее важных возможно предоставление детям выбора, но при условии, чтобы они никогда не нарушали самими же установленных для себя правил поведения. Однако, нельзя формировать в малом ребенке характер зрелого, взрослого человека, его характер должен быть характером ребенка.

Не надежны люди, не ставящие себе за правило поведения неких твердых законов; часто не знаешь, чего ожидать от них, и никогда не знаешь наперед, как они отнесутся к тому или иному. Правда, часто порицают людей, неуклонно следующих правилам, например, таких, по которым можно "часы проверять", но эти упреки нередко несправедливы, и размеренность, какое бы она ни имела внешнее сходство с мелочной педантичностью, служит однако почвой для выработки характера.

Первым признаком характера в ребенке, особенно в школьнике, является послушание. Послушание бывает двоякого рода: во-первых, послушание по отношению к абсолютной воле воспитателя, и во-вторых, послушание по отношению к разумной и глубоко осознанной воле воспитателя. Соответственно, можно различать два типа послушания: абсолютное, проистекающее из принуждения, и совсем другого рода — проистекающее из доверия. Такое добровольное послушание и есть наиважнейшее, хотя и без первого типа послушания невозможно подготовить ребенка к исполнению законов, которые ему придется исполнять как будущему гражданину, хотя бы они ему и не нравились.

Вот почему дети должны постоянно сталкиваться с законом необходимости. Но этот закон должен быть всеобщим; особенно это следует иметь в виду в школах. Учитель не имеет права предпочитать из многих детей никого в отдельности, иметь любимчиков. В противном случае закон теряет характер всеобщности. Стоит только ребенку заметить, что не на всех в равной мере распространяется один и тот же закон, как он начнет бунтовать.

Снова и снова высказывается мнение, что детям якобы следует представлять все так, чтобы они действовали по некоему расположению, влечению, склонности. Разумеется, так и должно быть во многих, но не во всех случаях: ряд поступков обязательно должен быть предписан в качестве долга. Для всей последующей жизни великая из того проистекает польза, ибо нами руководит не пристрастие, а только долг и при отправлении общественных и трудовых обязанностей, и во многих других случаях. Не беда даже, если ребенку невдомек закономерность долга; если он видит в чем-то свой долг как ребенок, он смог бы, хотя это и труднее, увидеть в чем-то свой долг как человек. Если бы он сумел понять это, что однако возможно только в более продвинутом возрасте, то его послушание приобрело бы более совершенный характер.

Любое нарушение предписаний ребенком расценивается как недостаток послушания, а это влечет за собой наказание. Важно не оставлять без наказания и нарушения случайного, по неосторожности. Наказания бывают физическими или нравственными.

Мы наказываем нравственно, когда не удовлетворяем склонности ребенка быть уважаемым и любимым — этого подспорья нравственности. Например, когда мы стыдим его, сухи и холодно в обращении с ним. Эту склонность ребенка должно бережно возвращать всеми возможными способами. Нравственный вид наказания наилучший, ибо он опирается на нравственные склонности и укрепляет их. Положим, если ребенок солгал, то наиболее целесообразным и достаточным наказанием будет пренебрежительный взгляд.

Физические наказания заключаются или в отказе от просьбы или в причинении страдания. Отказы применяются так же, как и нравственное наказание; они носят негативный характер. Чтобы не вызвать в ребенке к жизни *indoles servilis*, необходимо практиковать всякие другие наказания с большой осторожностью. Вредны также и награды: дети становятся оттого корыстолюбивыми, и из-за этого в них появляется *indoles mercenaria*.

Послушание ребенка следует, кроме того, отличать от послушания подростка.

Непослушание ребенка влечет за собой наказания, как собственно естественные, так и искусственные. Первые человек навлекает на себя сам своим поведением: если, к примеру, ребенок переест, он заболевает. Эти наказания наилучшие, поскольку не только в детстве, но и на протяжении всей жизни человек извлекает из них уроки. Чтобы кара оказывала продолжительное действие, следует выбирать такие способы наказания, которые опирались бы на желание быть уважаемым и любимым. Исключительно только в случаях недостаточности нравственных наказаний возможно применение физических. И все же формирование подлинно хорошего характера прекращается, как только нравственные наказания более не действуют, и приходится переходить к физическим. Лишь в раннем детстве по необходимости недостаточное умственное развитие ребенка требует физического принуждения.

Гневливость при наложении наказаний — большая ошибка воспитателя. Для детей в этом случае наказание предстает только как следствие его аффекта, а себя они рассматривают при этом как жертву необузданного возбуждения. Говоря вообще, всегда необходимо следить за тем, чтобы дети ясно понимали: единственной целью наказания является их совершенствование. Позволять детям благодарить себя за наказание, целовать руки и т.п. — безрассудство; это воспитывает в детях рабскую психологию. Частое применение физических наказаний формирует меднолобых упрямец, а если родители наказывают детей за своеволие, то они только усугубляют детскую блажь. — И не всегда наихудшие люди те, что непокорны, они подчас легко соглашаются с доброжелательными замечаниями.

Послушание подростка иного рода, чем послушание ребенка. Оно руководствуется требованиями долга. Поступок из чувства долга означает послушание разуму. Бесполезно говорить что-либо о долге малым детям, из подобных бесед они вынесут представление о долге, как о чем-то, за нарушение чего полагается розга. Но если при руководстве ребенком можно опираться на голый инстинкт, то, как только он подрастает, дополнительной опорой должны стать понятие долга. И нельзя также апеллировать к стыду ребенка, впервые эта возможность появляется только в подростковом возрасте. Такая апелляция может именно только тогда состояться, когда понятие чести уже укоренилось.

Вторая главная черта характера, которую необходимо сформировать как его основу, — это правдивость. Она и фундамент, и важнейшее содержание характера. Лживый человек — совершенно бесхарактерен, если у него и есть что-либо хорошее, то оно проистекает только из его темперамента. Многие дети проявляют склонность ко лжи, чрезвычайно часто являющейся, по всей вероятности, следствием их живой фантазии. В обязанности отца входит позаботиться, чтобы ребенок от этого отвык, ибо матери, как правило, придают этому только самое несерьезное значение или вовсе никакого, а иногда находят в этом лестное для себя доказательство многообещающих возможностей и способностей своих детей. Вот в этом случае уместно пристыдить ребенка, он это поймет.

Мы краснеем от стыда, когда лжем, но не только, когда лжем. Частенько мы краснеем от бесстыдства других людей, пытающихся возвести на нас (несправедливые) обвинения. Ни при каких обстоятельствах нельзя добиваться от детей признаний с помощью наказаний; их ложь вместе с тем должна повлечь за собой последствия, выступающие как наказание. Единственное целесообразное наказание за ложь — лишение уважения.

Понятие "наказание" поддается также делению и по основанию негативного или позитивного характера своего воздействия. Необходимость в негативных наказаниях возникает в случае нерадивости или злонравия, например, когда ребенок говорит неправду, когда он груб и невежлив. А положительные наказания справедливы в случае, если ребенок намеренно и неоднократно доставляет окружающим неприятности. Но прежде всего должно помнить об осторожности, чтобы никогда не обижаться на детей и не мстить им.

Третьей важнейшей чертой в характере ребенка должна стать **общительность**. Ему необходимо научиться поддерживать дружеские отношения с другими детьми, не жить только для одного себя. Правда, многие учителя запрещают дружить в школах; но это большая ошибка. Детям важно научиться дружить, ведь это величайшее удовольствие, каким только располагает жизнь. Дружбе детей мешает то предпочтение, которое учителя отдают талантливым детям. Чтобы не вызвать этим разрушительной для дружбы зависти, учителям следует ставить превыше всего хороший характер ребенка, а не его способности.

И необходимо также, чтобы дети были добросердечны, их взгляд должен быть солнечно ясным, веселым. Исключительно только радостное сердце способно получать удовлетворение от добродетели. Ложна религия, которая делает человека угрюмым, ибо в веселии сердца своего должен он служить Богу, а не из страха перед ним. И нельзя постоянно заставлять радостное сердце жить в тюрьме школьного принуждения, ибо в этом случае оно быстро впадет в уныние. Оно восстанавливает силы, лишь обретая свободу. Этому способствуют такие игры, которые предоставляют ребенку свободу самовыражения и возможность всегда чем-нибудь услужить другим. И тогда проясняется душа.

По мнению многих, детство якобы лучшая и приятнейшая пора жизни. Но это навряд ли справедливо. Детство — самая трудная пора жизни, когда нас чрезмерно принуждают, когда редко мы располагаем благами подлинной дружбы и еще реже — свободы. Как у Горация: *"Multa tulit, pectique puer, sudavit et alsit"*.

* * *

Только тому нужно учить детей, что соответствует их возрасту. Некоторые родители довольны, когда их дети проявляют преждевременную старческую мудрость; из таких детей, как правило, ничего путного не получается. Ум ребенка должен быть детским. Нельзя поощрять ребенка к обезьянничанью, а дитя, вооруженное велемудрыми нравоучениями, совершенно не свойственными его возрасту, — не более, чем обезьяна. Ему следовало бы обладать рассудком дитяти и не демонстрировать свой ум едва ли не с пеленок. Никогда не стать такому ребенку человеком пронизательного светлого ума. В той же мере неуместно модничанье у ребенка, когда, например, он носит модные прически, когда его завивают, а то еще чего доброго дают таскать с собой табакерку. Дитя превращается в результате в какое-то жеманное существо, что его уродует. Подлинно культурное общество его тяготит, и он в конечном итоге полностью утрачивает представление об истинных достоинствах человека. Именно поэтому необходимо как можно раньше предотвращать появление в ребенке суетного желания нравиться, или точнее — не давать ему стимула к развитию в нем тщеславия. А это случается, когда уже маленьким детям твердят о том, как они красивы, как превосходно идет к ним их наряд, и когда им обещают в качестве награды или дарят что-нибудь из украшений. Не годится принаряжать детей. Предметом необходимости должно быть для них только чистое и бедное платье. Но и родители также не должны сколько-нибудь высоко ценить внешнее, искусственное украшательство, ибо и в этом, как и во всяком ином, случае пример всемогущ — он или подтверждает или разрушает благие поучения.

2. О ПЕДАГОГИКЕ ВЫСШИХ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ СОВЕРШЕНСТВ ("практическое воспитание")

В "практическое" воспитание входит 1) формирование умений, 2) расширение житейского опыта, становление "умудренности" в житейских делах; 3) собственно нравственное воспитание.

Что касается практических **умений**, то необходимо, чтобы они были основательными, а не поверхностными. Дело не в том, чтобы казаться сведущим, а в том, чтобы действительно уметь применять знания на деле. Основательность как неперемный

атрибут умения постепенно станет и привычным свойством мышления. Нет более важного свойства человеческого характера. В понятие "таланта" также входит основательность.

Ж и т е й с к а я мудрость, м н о г о о п ы т н о с т ь заключается в искусстве применять умения к области человеческих отношений, то есть — в искусстве осуществлять свои намерения в отношении различных людей. Для этого необходимы многообразные умения. Этим искусством мы овладеваем, правда, в последнюю очередь, но по своему значению (в практическом воспитании) оно занимает второе место.

Учить ребенка житейской мудрости — значит научить его не выдавать своих чувств, понимать других, оставаясь загадочным самому. Прежде всего человек должен уметь не раскрывать своего характера. Хорошие манеры и есть искусство не высказывать своих глубинных чувств и мыслей. И этим искусством необходимо овладеть. Постигать сущность других нелегко, но и это искусство нужно глубоко изучить, чтобы тем самым не выдавать себя самого. Тому служит диссимуляция, т.е. утаивание своих ошибок, а также упомянутое уже искусство казаться. Диссимуляция — не обязательно притворство, и иногда позволительна, но все же она близко граничит с нравственной нечистоплотностью. Утаивание — крайнее, отчаянное средство.

Житейская мудрость требует также, чтобы мы были сдержанны, но и не вовсе бесчувственными. Не горячность нужна, а энергичность, — это разные вещи.

Э н е р г и ч е н (*strenuus*) тот, кто обладает влечением к волевым усилиям. Это качество зависит от силы аффектов, и поэтому "житейская мудрость" есть функция от темперамента.

Собственно н р а в с т в е н н о с т ь есть функция от характера. *Sustine et abstinere* — вот путь к становлению мудрой уравновешенности. Если мы хотим сформировать хороший характер, мы прежде всего обязаны обуздать страсти. Человек должен научиться настолько управлять своими склонностями, чтобы они не приобретали силы страстей, но чтобы он мог обходиться без того, чего он лишен. "*Sustine*" означает "терпи и приучись переносить лишения!".

Если хотят научиться отказывать себе в чем-то, то для этого нужны и мужество и мотивация, нужно привыкнуть смиряться с отказами, противодействием и т.д.

Способность сочувствия — есть функция от темперамента. От тоскливой, томительной участливости детей следует ограждать. Жалостливость — не более, чем сентиментальность, она присуща лишь излишне ранимому характеру. Ее следует отличать еще и от сострадательности. Жалостливость — недостаток, заключающийся в бездейтельном, пассивном сожалении. Детям следует давать карманные деньги, из которых они могли бы тратиться на помощь нуждающимся, тогда и станет ясным, сострадательны они или только жалостливы; если же они всегда будут проявлять щедрость за счет родителей, то не состоится и воспитание активного сострадания.

Выражение "*festina lente*" означает неотступную деятельность, благодаря которой должно успеть многому научиться, то есть "*festina*". Но научиться глубоко, основательно, всему уделяя свое время, то есть "*lente*". Тут возникает вопрос, что предпочтительнее — обладание большими □ми по объему знаниями или обладание меньшими, но более основательными познаниями. Лучше знать меньше, да лучше, чем много и по верхам, ибо в этом последнем случае неосновательность неизбежно отрицательно скажется на деле. Но ребенок не может ведь знать, в каких он окажется обстоятельствах, какие ему при этом понадобятся знания, и поэтому, несомненно, было бы идеально, если бы он знал обо всем и притом основательно; все остальное — обман и пыль в глаза — все эти "верхушечные" познания.

Формирование характера — последняя (по счету, но не по значению) задача воспитания. Характер — это одновременно и наличие твердых намерений осуществить что-либо и при этом способность реализовать намеченные планы. "*Vir propositi tenax*", как говорит Гораций, вот что такое настоящий характер! Например, коли я уже пообещал что-либо кому-нибудь, я должен сдерживать слово даже и в том случае, если бы мне это было и во вред. Человек, который решил что-нибудь сделать и не делает этого, не может более

доверять самому себе; например, если кто-нибудь решит всегда вставать рано, чтобы заниматься, или чтобы что-нибудь сделать, или совершить прогулку, и станет затем весной отговариваться тем, что поутру еще холодно и что это может ему принести вред, летом же, что поутру так хорошо спится, а сон ему так приятен, и так будет откладывать задуманное со дня на день, то, в конце концов, он более не станет верить самому себе.

Сказанное не относится к намерениям, противоречащим нравственности. Когда характер проявляет дурной человек, это уже называется закоренелым упрямством, и его твердость в осуществлении замыслов достойна лучшего применения.

Не многого стоит тот, кто все время откладывает исполнение своих намерений. То же следует сказать и о ток называемом "намерении начать в будущем новую жизнь". Ибо человеку, который всегда жил неправильно и который хочет измениться в мгновение ока, навряд ли удастся этого достигнуть, если только при этом не произойдет чуда, чтобы он в одночасье вдруг стал таким же, как тот, кто правильно распорядился всей своей жизнью и всегда имел честный образ мыслей. Именно поэтому не приходится ожидать никаких результатов от паломничеств, умерщвления плоти и постов, ибо невозможно представить себе, какое имеют паломничества и подобные им обряды отношение к становлению добропорядочной и благородной личности.

Когда днем постятся, а ночью зато наедаются вдвойне, или когда возлагают искупление своей вины на свое тело с целью стать лучше и честнее, — изменениям души все это никак не способствует.

Касательно же способов заложить в ребенке прочные основы высоконравственного характера мы должны обратить внимание на следующее: прививать ему способность к исполнению долга следует по преимуществу с помощью примеров и предписаний. А ребенок обязан выполнять те же требования долга, что и все: долга по отношению к себе и по отношению к другим, то есть эти требования должны проистекать из природы вещей.

Остановимся поэтому подробнее на этих вопросах.

а) Долг по отношению к себе. Он состоит не в том, чтобы справлять себе роскошные обеды, уставлять яствами свой стол и т.д., хотя все и должно быть доброкачественным. И не в том, чтобы искать удовольствий, потакая своим слабостям и влечениям; напротив того, необходимо соблюдать большую умеренность и воздержанность. Долг по отношению к себе заключается в том, чтобы внутренней сущностью человека было то собственно человеческое достоинство, кое возвышает его над всеми другими созданиями; долг человека — не попирает в своем лице этого достоинства человечества в целом.

Мы именно поступаем ниже человеческого достоинства, когда, например, предаемся пьянству, впадаем в противоестественные грехи, практикуем все виды невоздержанности и т.д., ибо все это означает, что человек опустился намного ниже животного. Кроме того, человек невысоко несет свое человеческое достоинство и когда он раболепствует перед другими, расточает комплименты, чтобы с помощью этого недостойного поведения, как он мнит, вкрасься в доверие.

Ребенка вполне можно подвести к пониманию человеческого достоинства на его собственном примере, положим, если он допускает неопрятность, которая в наименьшей степени пристала человеку. Достигнув возраста, когда ребенок уже в состоянии думать и сообщать другим свои мысли, он может серьезно опуститься ниже человеческого достоинства, если он лжет. Лживый человек достоин только презрения окружающих, а себя он обкрадывает самоуважением и необходимым каждому доверием к себе.

б) Долг по отношению к другим. Чрезвычайно рано следует внушить ребенку глубочайшее уважение к правам и интересам других людей, и важно постоянно заботиться о том, чтобы ребенок упражнялся в проявлении этого уважения. Если случится, что при встрече с более бедным сверстником ребенок гордо преградит ему дорогу или толкнет, ударит его и т.д., то не нужно говорить: "Не делай этого, ты причиняешь этим боль, будь милосердным, это ведь бедный ребенок" и т.п., а следует дать ему почувствовать, каково испытать на себе гордыню и превосходство более сильного, что значит не уважать прав и достоинства других людей. Великодушие, правда, совсем не прирожденно детям.

Примером может служить, например, эпизод, когда ребенок, побуждаемый родителями поделиться с кем-нибудь своим бутербродом, или не делает этого, или делает в очень редком случае и неохотно, коли не пообещать ему, что он за отданное получит еще большее. Нельзя ребенка, которому еще непосильна идея великодушия, подталкивать к его проявлению.

Тот раздел этики, который содержит учение о долге по отношению к самому себе, многим совсем не известен, другими же, как Круготтом, он был превратно истолкован. А долг по отношению к себе, как уже говорилось, заключается в том, чтобы не уронить достоинства человечества в своем лице. Идея человечества служит критерием собственных поступков, которым мы измеряем их ценность и достоинство. Когда же у подростка пробуждается половой инстинкт, наступает критический момент, в котором одно только достоинство человеческого начала поможет юноше сдерживать себя. Однако, необходимо, не дожидаясь наступления критического момента, дать подростку понять, что есть способы уберечься от тех или иных опасностей.

Мы практически не учим в школах ничему, что могло бы эффективно способствовать формированию добропорядочной, прямой, честной, правдивой личности. Между тем, краткое изложение учения о правах и обязанностях человека могло бы стать именно таким средством формирования личности. В этот курс должны быть включены примеры из обыденной жизни, повседневные случаи, которые побуждали бы к поискам ответа на вопрос, как правильно поступить в таких-то и таких-то обстоятельствах. Например: правильно или неправильно отдать деньги, которые человек взял в долг и которые сегодня следует вернуть кредитору, обездоленному человеку, видом которого тронут должник? Нет, неправильно! Ибо, чтобы творить благо, необходимо быть свободным от обязательств. Отдавая деньги бедному человеку, я занимаюсь благотворительностью, а возвращая долг, я выполняю взятое на себя обязательство. Еще вопрос: допустима ли ложь во спасение? Нет! Нельзя помыслить себе решительно ни одного случая, когда была бы оправдана ложь. А уж лгать детям — самое последнее дело; в противном случае дети любое обстоятельство станут расценивать как то именно, при котором позволительна ложь во спасение.

Если бы только такой учебник был создан, можно было бы применять его как полезнейшее чтение (хотя бы по часу в день) для постижения детьми и переживания ими Закона Человеческого, сего ока божьего на земле.

Что касается долга благотворительности, то его нельзя считать абсолютно обязательным. Детей должно воспитывать не столько мягкосердечными, легко поддающимися чувству при виде суровой судьбы окружающих, сколько деятельно-доброе совестными. Пусть они будут преисполнены не сентиментами, а идеей долга. Многие становились по-настоящему жестокими из-за того, что, будучи прежде сострадательными, неожиданно бывали обмануты. Бессмысленно формировать в детях понятие праведности. Этим часто грешат лица духовные, представляя благотворительность как нечто праведное. Мы никогда не смогли бы сделать по отношению к богу более того, что требует исполнение нашего долга, ведь помогать бедным — это также не более, чем обязанность. Ибо неравенство в благосостоянии людей есть следствие лишь случайных обстоятельств. И если я располагаю состоянием, то, значит, я попросту воспользовался обстоятельствами, которые оказались благоприятными или для меня, или для моего предшественника; уважать же я всегда должен всех и считаться со всеми.

Воспитывать в ребенке ревностную заботу о мнении окружающих о нем — значит вызывать к жизни зависть. Скорее, при оценке собственной личности следует исходить из критериев собственного разума. Поэтому смирение есть не что иное, как результат сопоставления своих достоинств с *нравственным совершенством*. А христианская религия, например, не столько учит смирению, сколько стремится унижать человека, потому что, следуя ей, человек вынужден сравнивать себя с недостижимым образцом совершенства. Чрезвычайно превратно находить смирение в том, чтобы ценить себя ниже

других. Чрезвычайно неблагородный образ мысли вызывают к жизни восклицания типа: "Смотри, как ведет себя тот или этот ребенок!" Если человек мерит цену себе, сопоставляя себя с другими, то он стремится либо возвыситься над окружающими, либо преуменьшить их достоинства. А это последнее и есть зависть. Тогда ищут только, к чему бы это в других придраться, чтобы, сравнивая себя с выдуманными недостатками окружающих, оставаться лучше других. Зависть развивается ложно понятым духом соревнования. В одном только случае могло бы еще пригодиться соревнование: чтобы убедить ребенка в его способности осуществить то или иное действие, в исполнимости какого-либо дела, например, когда перед ребенком ставят определенную задачу и показывают, что другие в силах с ней справиться.

Ни при каких обстоятельствах нельзя позволять одному ребенку стыдить другого. Опасайтесь развить высокомерие, кичливость удачливостью. И одновременно старайтесь заложить в ребенке прямодушие, проистекающее из скромной уверенности в своих силах. Благодаря этому человек может подобающим образом выказывать свои таланты. Разумеется, нельзя смешивать прямодушие с самоуверенностью, не считающейся с суждениями окружающих.

Человеческие страсти можно разделить на формальные (жажда свободы и могущества) и материальные (жажда обладания какой-либо вещью), на страсти мечты или обладания и, наконец, они могут быть направлены просто на продление мечты и обладания как предпосылки блаженства.

Страсти первого рода суть честолюбие, властолюбие и корыстолюбие, второго рода — половое наслаждение (сластолюбие), наслаждение от имущества (влечение к изобилию), наслаждение от общества (тяга к развлечениям). Наконец, к страстям третьего рода относятся стремления сохранить жизнь, здоровье, покой (свободу от забот в будущем).

Среди пороков различаются пороки злобности, низости или ограниченности. Первые включают в себя зависть, неблагодарность и злорадность; вторые — несправедливость, вероломство (двуличие), расточительность по отношению к имуществу, по отношению к здоровью (неумеренность) и чести. Пороки третьего рода суть черствость, скупость, ленность (изнеженность).

Добродетели можно разделить на те, которые человек с н и с к а л, завоевал; те, которые проистекают просто из и с п о л н е н и я д о л г а, и те, что являются следствием н е в и н н о с т и. Великодушие (в самопреодолении как желания мести, так и тяги к покою и корысти), благотворительность, умение владеть собой — следует отнести к добродетелям первого рода; правдивость, порядочность и миролюбие — ко второго; наконец, честность, целомудрие и скромность — к добродетелям третьего рода.

Но возникает вопрос: нравственен ли человек по своей природе или злобен. Ни то, ни другое! Ибо из рук природы он выходит нейтральным в нравственном отношении существом; но человек становится нравственным, если его разум возвышается до понятий Долга и Закона. В то же время можно утверждать, что у человека имеются исходные предпосылки ко всем порокам, поскольку к ним склоняют его влечения и инстинкты, хотя бы он и противопоставлял им разум. Вот почему человек может стать нравственно добрым только благодаря добродетели, стало быть — благодаря самопринуждению; сохранять невинность при отсутствии соблазнов — это еще не все.

Большая часть пороков проистекает из насилия над природой, которого требует нравственность; а наше назначение как представителей рода человеческого заключено в том, чтобы выйти из дикого животного состояния. Так совершеннейшая искусственность вновь становится естественностью, возвращается к природе.

Успех всего дела воспитания зиждется на том, чтобы во всем исходить из правильных основоположений и подводить детей к сознательному постижению их, делая их для детей желательными. Детям предстоит научиться заменять отвращение к ненависти ненавистью ко всему отвратительному и бессмысленному; в них необходимо сформировать:

идушее из глубины души, а не показное, омерзение к человеческим и божеским наказаниям;

способность к самооценке и сохранению своего собственного достоинства, а не к погоне за мнением окружающих;
умение ценить поступки и дела, а не слова и эмоции;
рассудок, а не чувственность;
жизнерадостность и незлобливость, ровное расположение духа, а не угрюмость, запуганность и мрачное ханжество.

Но важнее всего предостеречь их от того, чтобы они ни в коем случае не ставили излишне высоко *merita fortunae*.

* * *

Что касается религиозного воспитания детей, то первым его вопросом является: целесообразно ли внушать детям раннего возраста религиозные понятия. Об этом очень многие спорили в педагогике. Введение религиозных понятий неизбежно предполагает систему богословия. Но следует ли молодого человека, который еще не знает окружающего мира, не знает самого себя, подводить к действительному пониманию теологии? В состоянии ли молодежь, не усвоившая еще понятие долга, постичь непосредственные обязанности по отношению к богу? Несомненно, целесообразнее всего, чтобы дети не принимали участия в богослужении и даже не слышали самого имени божия прежде, чем их ознакомят с целями и назначением человека, разовьют их способность самостоятельно критически мыслить, научат их видеть порядок и красоту в природе и после этого еще дадут им развернутую информацию о мироздании, — и тогда лишь впервые введут понятие высшего существа, законодателя. Но так как при нашем теперешнем положении дел это невозможно, то в детях, которых подвели к понятию бога только в более позднем возрасте и которые тем не менее все же слышали и ранее его имя и видели так называемое б о г о с л у ж е н и е, это вызовет или равнодушие или превратное представление о боге, например, устрашающее представление о наказующем могуществе бога.

Поскольку необходимо предусмотреть, чтобы этот страх не свил себе гнезда в детском воображении, приходится искать способы вводить религиозные понятия в ранние годы. Однако эти способы не должны сводиться к запоминанию, простому подражанию и чистому обезьянничанью, но всегда должны быть только природосообразными. Дети и без отвлеченных понятий о долге, об обязанностях, о хорошем и дурном поведении поймут, что существует закон долга, что его должны определять не соображения удобства, пользы и т.п., но Всеобщее, не зависящее от людских пристрастий. Учитель сам должен, конечно, составить себе ясное понятие об этом.

Сперва должно все приписывать природе и только потом — самому богу. Например, первоначально вся жизнь сводилась к сохранению видов и их уравниванию, но вместе с тем заранее уже имелся в виду также и человек, которому предстояло самому найти пути к счастью.

Первое понятие о боге лучше всего можно бы выяснить по аналогии с понятием об отце, под опекой которого мы находимся, а затем уже уместно указать на единство человечества, как бы одной семьи.

Но что такое религия? Религия есть закон, живущий в нас, поскольку таковой оказывает на нас свое воздействие благодаря некоему законодателю и судии: это — нравственность применительно к познанию бога. Если не соединять религии с нравственностью, то религия сводится к вымогательству милости. Хвалебные гимны, молитвы, хождения в церковь должны только давать человеку новую силу, новое мужество к исправлению, или же быть изливанием сердца, воодушевленным представлением о долге. Все это только приуготовления к благим делам, а не самые благие дела, и нельзя стать угодным высшему существу никак иначе, как только становясь лучше и лучше.

Исходить нужно из закона, который живет в ребенке. Человек испытывает презрение к самому себе, если он порочен. Это заложено в нем самом и он таков не потому только, что

бог воспретил зло. Ведь не необходимо, чтобы законодатель одновременно был и инициатором закона. Так, правитель может воспретить в своей стране воровство, и однако его нельзя за это назвать инициатором этого запрета; исходя из этого, человек учится понимать, что лишь его хорошее поведение делает его достойным блаженства. Божественный закон должен представлять вместе с тем и законом природы, ибо он не произволен. Поэтому нравственность есть основа религии.

И все же не следует начинать с богословия. Религия, построенная только на богословии, никогда не может содержать в себе ничего нравственного. Такая религия, с одной стороны, питает страх, с другой — виды на награду, и тогда она представляет собой одно только суеверное поклонение. Итак, нравственность должна предшествовать, богословие следовать за ней, и это называется религией.

Совестью называется закон в нас. Совесть — это, собственно, соизмерение наших поступков с этим законом. Но упреки совести безрезультатны, если человек не будет считать ее "представительницей" бога в себе, бога, который не только занимает трон над нами, но и судейское кресло в нашем сердце. Религия бессильна, если она не соединяется с нравственной совестью; без последней религия — не более, чем суеверный культ. Хотят служить богу, например, восхваляя его, превознося его могущество и премудрость, не думая о том, как исполнять божеские законы, мало того — даже не пытаюсь постигнуть их силу, мудрость и т.п. и следовать им. Эта аллилуйщина — опиум для совести таких людей, подушка, на которой можно беззаботно почивать.

Детям непосильно понимание всех религиозных понятий, но и некоторым их следует подвести, только эти понятия должны быть более негативными, чем позитивными. Заставлять детей вызубривать молитвы бессмысленно, это формирует у них только извращенное понятие о набожности. Истинное благочестие заключается в том, чтобы совершать поступки в соответствии с волей божией, — и детей следует воспитывать в этом духе. Необходимо следить, чтобы дети — да и мы сами — не произносили всуе имя божие. Даже если его употребляют при пожеланиях счастья, даже с благочестивой целью, то и это, в сущности, — злоупотребление святым именем. Человек должен испытывать благоговение при упоминании имени божьего, упоминании редком и никогда не легкомысленном. Ребенка должно научить испытывать благоговение перед богом как перед зиждителем жизни и всего мира, помыслителем о людях и, наконец, их судьей. Рассказывают, что Ньютон никогда не произносил имени божьего, на время не приостановившись и не задумавшись (над ним).

Благодаря предварительному разъяснению, соединяющему понятие о боге с понятием о долге, ребенок лучше научится почитать божественное провидение о тварях и уберется от пристрастия к разрушению и жестокости, которое проявляется в многообразных способах мучить слабых животных. Необходимо также привить детям способность видеть добро во зле: например, видеть, что дикие звери и насекомые чрезвычайно чистоплотны и трудолюбивы, что птицы, истребляющие насекомых, охраняют тем самым сады и т.д.

Итак, необходимо внушить детям некоторые понятия о высшем существе, чтобы они, видя, как молятся и т.п., могли знать, по отношению к кому и почему это делается. Но эти понятия должны быть немногочисленными и, как уже говорилось, только негативными. Начинать воспитание детей в этом духе следует с самых ранних пор, следя при этом, чтобы они не ценили людей по их вероисповеданию, ибо, несмотря на все различия в типах вероисповеданий, существует все же одна-единственная религия.

* * *

В заключение мы хотим привести еще некоторые замечания, которые должны по преимуществу иметь в виду подростки при вступлении в юношеские годы. В это время молодые люди начинают придавать значение известным различиям между людьми, чего они ранее не делали, прежде всего — различиям между полами. Природа скрывает это под неким покровом таинственности, как если бы это было чем-то не совсем

достойным человека; лишь животной потребностью. Однако, природа позаботилась и о том, чтобы привести дело продолжения рода в связь со всякой, какая только возможна, нравственностью. Даже дикари поступают в этом случае с некоторой стыдливостью и застенчивостью. Иногда дети задают взрослым любознательные вопросы, например, „откуда берутся дети и т.п. Но их можно легко уgomонить, или давая им уклончивые ответы, которые ничего не значат, или отклоняя их вопрос как "ребяческий".

Эти склонности в подростке развиваются автоматически и, как это бывает со всеми инстинктами, они развиваются и в том случае, когда нет объекта, на который они направлены. Невозможно поэтому оставить подростка в неведении и связанной с ним невинности. Замалчиванием только усугубляется зло. Это подтверждается воспитанием наших предков. При современном воспитании правильно считают, что необходимо говорить об этом с подростком откровенно, ясно и определенно. Это, разумеется, деликатная тема, потому и неудобно делать ее предметом публичного обсуждения. Но все уладится, если обсуждать ее со всей серьезностью и отнестись с сочувствием к новым потребностям воспитанника.

Тринадцатый или четырнадцатый год, как правило, становится поворотным пунктом, когда в подростках развивается половая потребность (если это случается ранее, то вероятнее всего, что дети были развращены и испорчены дурным примером). К этому времени уже сформирована в них и способность суждения, так как природа подготовила их к тому, чтобы можно было с ними беседовать на эту тему.

Ничто в такой степени не ослабляет духа и плоти человека, как тот вид сладострастия, который направлен на самого себя, и он совершенно противоестественен. Но и этого не следует утаивать от подростка. Следует изобразить этот вид сладострастия во всей его омерзительности, сказать юноше, что из-за него человек делается неспособным к продолжению рода, разрушаются телесные силы, человек преждевременно стареет и его умственные способности при этом сильно страдают и т.д.

Можно избежать этих импульсов постоянными занятиями, посвящая ложу и сну не больше времени, чем это необходимо. С помощью различных занятий следует избавиться от мыслей об этом, ибо, оставаясь даже только в воображении, эти мысли отрицательно сказываются на жизненной силе. Когда потребность направляется на представителя другого пола, то ее удовлетворение неизменно связано с преодолением некоторых препятствий; если же она направляется на самого себя, то ее всегда легко можно удовлетворить. Как бы ни были вредны физические последствия этого, нравственность страдает еще больше. Здесь нарушаются границы естественного, потребность искусственно подстегивается, ибо человек не получает никакого подлинного удовлетворения.

Воспитатели старших подростков спрашивают, позволительно ли молодым людям вступать в общение с другим полом. Если выбирать из двух зол наименьшее, то последнее приемлемее, по крайней мере, — это природосообразно, не противоестественно. Созревшего для того юношу природа предназначила стать мужчиной и продолжить свой род, но обязанности, которые по необходимости должен исполнять человек в цивилизованном обществе, не всегда позволяют молодому человеку жениться и воспитывать детей. Иначе он преступает гражданский порядок. Поэтому для юноши лучше всего, точнее, его прямым долгом является ожидание того времени, когда он будет в состоянии вступить в законный брак. Тем самым он поступает не только как хороший человек, но и как хороший гражданин.

Молодые люди обязаны с ранних лет научиться должным образом уважать другой пол и стараться снискать уважение последнего своим беспорочным поведением, стремясь таким образом к высшей награде — счастливому браку.

К тому времени, когда подросток вступает в общество, он начинает узнавать также и о различиях сословий и общественном неравенстве людей. Пока он мал, ему совсем не следует давать замечать этого. Нельзя позволять ему никогда и ни в чем помыкать прислугой. Если он видит, что родители отдают приказания прислуге, родителям,

пожалуй, следует сказать ему: "Эти люди получают от нас свой хлеб насущный и потому повинуются нам; ты тут ни при чем, стало быть, они не обязаны повиноваться тебе". Но детям и не придет в голову ничего подобного, разве только родители сами внушат им это ложное понятие. Подростку следует указать, что неравенство между людьми есть установление, возникшее оттого, что один человек старался получить преимущества перед другим. Можно потом постепенно сформировать в нем сознание равенства людей вопреки их общественному неравенству.

Необходимо обращать внимание на то, чтобы молодой человек научился абсолютной самооценке, а не относительной: на основании мнения окружающих. Завышенная оценка другими того, что совсем не составляет подлинного достоинства человека, есть суета сует. Не менее важно также указать ему на необходимость добросовестности во всех делах и на то, чтобы он стремился во всем не казаться, но быть.

Следует обратить внимание юноши —

на то, чтобы любое решение его, к которому он пришел по зрелому размышлению, претворялось им на практике, — в противном случае уж лучше не затевать никаких планов и не принимать окончательного решения;

и на необходимость умеренности при пользовании внешними благами и терпеливости в работе; *sustine et abstine*.

и на воздержанность в удовольствиях. Когда человек не ищет одних только удовольствий и готов проявлять терпеливость в трудах, он становится полезным участником общего дела и никогда не знает скуки.

Юноше следует указать также —

на необходимость жизнерадостности и хорошего настроения, человек живет в радости сердца своего, когда ему не в чем упрекнуть себя;

на необходимость ровного, спокойного расположения духа. Самовоспитанием можно добиться того, чтобы всегда оставаться человеком оживленным, не отягощающим собой никакого общества;

на то, чтобы многое в жизни рассматривать как свой неизменный долг. Любой его поступок должен обладать для него ценностью не потому, что он отвечает той или иной его склонности, а потому, что, совершая его, он тем самым исполняет свой долг;

на необходимость любить других людей, а также помнить о том, что все мы — граждане мира. В нашей душе есть нечто, заставляющее нас принимать интерес не только в самих себе, не только в окружающих нас людях, но и во всеобщем благе. Этот последний интерес следует сделать близким для детей, чтобы он мог согреть им душу. Благо мира должно радовать их даже и тогда, когда оно не приносит выгоды ни их отечеству, ни им лично;

на то, что наслаждения радостями жизни малого стоят. Только поняв это, человек не будет испытывать ребяческого страха смерти. Молодому человеку необходимо сообщить, что наслаждения обманывают связанные с ними надежды;

на необходимость, наконец, отчитываться перед самим собой каждый день о том, чтобы иметь возможность в конце жизни подвести итог ее ценности и значения.